

ГРЯДУЩЕЕ ВОССТАНИЕ

НЕВИДИМЫЙ КОМИКЕТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	_____	3
Грядущее восстание	_____	10
Круг первый	_____	14
Круг второй	_____	18
Круг третий	_____	23
Круг четвёртый	_____	30
Круг пятый	_____	36
Круг шестой	_____	42
Круг седьмой	_____	49
В путь!	_____	55
Находите друг друга	_____	56
Организуйтесь	_____	59
Восстание	_____	69

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Триумф цивилизации неотвратим. В нем есть все: и политический террор, и эмоциональные страдания, и всеобщая беспомощность. Пустыне уже некуда расти, она повсюду и теперь может распространяться только вглубь. Реагировать на очевидность катастрофы можно по-разному: негодовать, принимать к сведению, изобличать и организовываться. Мы – с теми, кто организуется.

Может быть, именно в эпоху все более громкого ропота негодования уши и умы как никогда открыты навстречу критике и радикальному сомнению. Но нам еще нужно научиться пользоваться обстоятельствами и свободно отстаивать свои идеи.

Небольшая книжка, которую вы держите в руках, вышла во Франции в марте 2007 года и поначалу осталась незамеченной. Однако она оказалась в центре внимания массмедиа и многочисленных публичных дебатов, после того как 11 ноября 2008 года девять молодых людей были арестованы и против них было возбуждено дело «за сговор злоумышленников, имеющий отношение к террористической операции». Пятеро из них подозреваются в порче железнодорожных путей «с террористическими намерениями». Такой пункт обвинения – очень специфическая юридическая формула, введенная в обиход во Франции с середины 1980-х годов с целью борьбы с террористической угрозой. Активное использование этой формулы вызывает тревогу не только во Франции, поскольку она вписывается в более масштабный законодательный, юридический, полицейский и военный механизм, который сегодня воспроизводится во многих западных странах.

Арест

Полицейская операция, приведшая к аресту, была зрелищной, рассчитанной на то, чтобы впечатлить народ. В ней были задействованы 150 полицейских в масках со служебно-розыскными собаками и вертолетом. Операция по задержанию была проведена в Тернаке, деревеньке на 350 жителей в самом центре Франции. Там молодые люди жили, работали на организованной ими коллективной ферме, поддерживали местные бакалейный магазин и ресторанчик, чуть было не закрывшийся прежде. Их деятельность заново вдохнула жизнь в эти опустевшие края. Неудивительно, что местные жители очень хорошо

относились к ним и первыми встали на их защиту, когда те подверглись преследованиям. Арест напрямую транслировался в СМИ, которых за два дня до операции полицейские спецслужбы «проинформировали» об опасностях возвращения левацкого терроризма во Франции и пригласили в назначенный день явиться на место ареста. Всего через два часа после поимки молодых людей министр внутренних дел уже давал пресс-конференцию в Париже, превознося успех полицейских и разведывательных служб.

Однако чем больше времени проходило с момента ареста, тем очевиднее становилось, что это дело дутое: административное досье полиции оставалось пустым. За неимением конкретных доказательств ребята были отпущены на свободу, кроме двоих, оставшихся в тюрьме на шесть месяцев. С тех пор без каких-либо официальных заявлений по ходу судебного процесса молодым людям не дают вернуться в свою деревню и встречаться друг с другом. Они живут под подпиской о невыезде по большей части у своих родителей и каждую неделю должны отмечаться в полицейском участке.

В ходе обысков в разных районах Франции полицейские обнаружили лишь расписание движения поездов, налобный фонарь, стремянку и... вот эту маленькую книжку подписанную загадочным и анонимным «Невидимым комитетом», которую МВД представили в качестве вещественного доказательства против молодых людей. За несколько месяцев до этого МВД купил сорок экземпляров этой книжки. Вдохновленные ее содержанием, а также расследованием ФБР по поводу предполагаемого «лидера» группы, замеченного участвующим в акции против призыва в американскую армию в Нью-Йорке, французские спецслужбы шесть месяцев назад бросились по следу «движения анархо-автономов». Важность, которой наделили эту маленькую книжицу в ходе полицейского расследования, вызвала во Франции настоящий шок, напомнив многим методы, бывшие в ходу на излете Старого режима, до Французской революции 1789 года, когда людей отправляли на виселицу за чтение Вольтера.

Чрезвычайное положение: антитеррористические законы во Франции как способ управления населением

Теракты 11 сентября 2001 года дали толчок для чудовищного ускорения изменений в уголовных и уголовно-процессуальных кодексах западных стран. Сразу после терактов правительства приняли меры, ограничивающие общественные и личные свободы. Эти законы

вписываются в тенденцию, утверждающую главенство процедуры перед законом: в данном случае речь идет о главенстве исключительной процедуры. Это настолько глубокая трансформация, что она приводит к переопределению нормы, а отступление от правил становится правилом. Исключительная процедура приходит на смену конституции в качестве формы организации политического. С точки зрения своего влияния на уголовный процесс новые антитеррористические законы и продолжают тенденции, наметившиеся в уже существующем законодательстве, и расширяют его рамки. Они нацелены не только на то, чтобы ограничить фундаментальные свободы отдельных групп населения. На самом деле, они затрагивают всех и каждого, устанавливая повсеместный контроль над индивидами.

Шестого декабря 2001 года европейские министры юстиции и внутренних дел приняли рамочное соглашение с целью гармонизации законодательств стран-членов в отношении определения террористического акта. Инкриминирование преступления обретает откровенно политический характер, поскольку фокусируется на намерениях.

Преступление теперь считается террористическим, когда оно *«имеет целью разрушение политических, экономических и общественных структур страны»* и *«ставит задачу ее серьезной дестабилизации»*. Понятие *дестабилизации и разрушения политических и политических структур страны* позволяют перейти в прямую атаку против протестных движений. Ведь определяет нормальность или ненормальность оказываемого на власть давления не кто иной, как сама власть. Вся категория терроризма в целом сконструирована таким образом, что государство само решает, что является терроризмом, а что нет. В этом контексте демонстрация или любая другая акция, например занятие какого-либо публичного места и объекта инфраструктуры или блокирование общественного транспорта, совершаемые для оказания давления на государство с целью принудить его принять меры по социальной защите или прекратить сворачивание социальных программ, теперь могут быть приравнены к террористическим действиям.

Занять позицию в нынешней войне

Эта книжка, найденная в личных вещах молодых людей, не «учебник повстанца». Это и не книга по философии и революционной теории. Это своего рода манифест, катализатор критики, квинтэссенция

устремлений недавних протестных движений, потрясших Францию. Она дает точный слепок современного французского общества в виде семи кругов, наподобие дантовского Ада, семи сфер жизни, каждой из которых специалисты на присущем им языке ставят диагноз катастрофического кризиса: внутреннее самоощущение человека, общественные отношения, труд, урбанизм, экономика, экология и политика.

Для читателя, тем более для читателя российского, не имеющего доступа к новейшей литературе по политике на иностранных языках, это книга позволит понять, в каком политическом и общественном контексте разворачиваются бои на современном социальном фронте, сотрясающие в последние годы Францию. Речь идет о мобилизации старшекласников и студентов, о забастовках и бунтах в пригородах – всех движениях, образы которых в медиа распространялись по всему миру, причем без каких-либо объяснений их смысла и требований. И понятно почему: таким образом СМИ нейтрализуют протестный потенциал этих действий. Было бы абсолютно неверным усматривать в пригородных бунтах восстание «мусульман», каковыми они по преимуществу предстали в российских массмедиа. Последние события во Франции следует рассматривать через призму истории политической борьбы и трактовать их как неконвенциональные формы политического выражения, противостоящие классическим формам политического участия – голосованию или уличным демонстрациям.

Организуйтесь

В ситуации безвыходности не нужно возмущаться, вовлекаться в очередное движение отстаивающее права перед государством, реагировать активистским рефлексом или выжидать. Посреди развалин настоящего все предстоит выстроить заново. Возмущаться уже недостаточно. Ни к чему не ведет и активизм. Нам стоит извлечь политические уроки из признания тупиковости настоящего: принять решение о смерти режима, а не просто пассивно присутствовать при ней. Сделать это можно организуясь. Но как?

Первый способ, за который ратует «Грядущее восстание», - это бунт, главная модель второй половины 1970-х годов, берущая начало на баррикадах XIX века. Другой способ, который предлагает книга, предполагает более глубокое преобразование повседневной жизни, личностную трансформацию, происходящую вне торных дорог буржуазных демократий – через формирование коммун. «Коммуна –

это то, что происходит, когда люди находят друг друга, обретают взаимопонимание и решают идти вместе... На каждом заводе, улице, в каждом доме, школе... Любая спонтанная забастовка – коммуна, любой дом, коллективно оккупированный на ясных основаниях, - коммуна...»

Коммуна возникает на основании связей, которые каждый человек устанавливает между своими мыслями и проживаемой реальностью, на основании общих потребностей и обобществления пространств. В такой перспективе коммуна поднимает и вопрос практики личностной трансформации, учитывая при этом, что трансформация возможна лишь постольку, поскольку «индивид» никогда не самодостаточен, что он, даже сам того не осознавая, связан с людьми, без которых у него бы не было никакой возможности изменяться. Трансформации происходят только в среде взаимодействия. И если среда, предлагаемая буржуазными демократиями, не подходит, то нужно конструировать иные пространства, производить своего рода разрывы, с целью глубокого переопределения способов действия, ощущений и образа мыслей. Коммуны – это пример такой среды, где формируются новые типы отношений, новые формы жизни.

Идеи и практика *сообществ* и *коммун* стали развиваться в начале XVIII века, а к 1870 году во Франции, России и во всем мире достигли своего апогея. Модель Коммуны канула в лету, однако содержащаяся в ней идея прямой демократии никуда не делась. Она воплотилась потом в модели Советов и ее вариантах, возникших, например, в Санкт-Петербурге в 1905 году, в Турине в 1920 году, в Каталонии в 1936-м. Этой идеей Советов напрямую вдохновлялись и повстанцы мая 1968 года при захвате заводов и университетов.

Политические действия

Вопреки тому, что неявным образом думают многие активисты, подвергаться репрессиям вовсе не признак обладания какой-то политической потенцией. Политическая способность к отказу не может быть выведена из объективного анализа устройства вражеского лагеря. Например, из жестокости российского полицейского государства вовсе не следует, что протестные движения в России обладают значительным политическим потенциалом, представляют угрозу государству или способны изменить отношения между людьми. Ошибка многих активистов состоит в том, что они исходят не из своих сильных и слабых сторон, а из предполагаемых сильных и слабых сторон «противника». Идентификация врага становится отправной точкой

активизма. Отсюда вытекает исключительно реактивное определение политики (когда она вообще есть) как ниспровержение выявленного ею врага. Это обуславливает и субъективные диспозиции, вызывающие ее к жизни. Что касается развития капитализма – если предполагать, что через анализ этого развития мы лучше поймем врага, то здесь нет особых тайн: целый набор истин об этом есть в открытом доступе. Несмотря на то что некоторые из этих откровений верны, объяснения недостаточно. Но именно такой подход и по сей день присущ современному активизму.

Организация дюжин разнообразных конференций, дискуссий, пикетов и митингов, публикация газет, распространение информации – все это не является настоящим политическим действием. Даже если зачастую в критической ситуации эта деятельность кажется нам необходимой. Активизм основывается на иллюзорном убеждении, что активистский авангард должен подготовить громкую акцию, пригласить журналистов и что вся задача состоит в том, чтобы убедить, прийти к «осознанию». Вследствие такого видения нынешние политические акторы в России еще в большей степени, чем в Европе, предпочитают способ политического действия, сфокусированный на репрезентации, транслируемый и развиваемый всевозможными техниками менеджмента, по отношению к которому так называемый левый авангард почти никак не дистанцируется (активистский язык буквально напичкан менеджерскими терминами). Как неизбежное следствие этой ситуации отсутствует настоящий труд по выработке общего, не идет процесс низового «обобществления», который шел бы от разных точек зрения, склонностей, интересов, представлений людей к созданию коллективного свойства.

«Грядущее восстание» призывает пересмотреть сущность активистской деятельности, понять ее в качестве того, что обладает материальной необратимостью, не вполне контролируемые последствия которой выходят далеко за границы породившей их частной или групповой индивидуальности. Смутное желание чиновников империи состоит в том, чтобы эту активность запретить. Все более многочисленные «акции», которые активистская среда позиционирует как политические, на самом деле только играют империи на руку, по крайней мере в тех случаях, когда они не выходят за рамки отклонений, допустимых с точки зрения юридически-медийного консенсуса.

«Грядущее восстание» выводит нас из тридцатилетнего периода, в течение которого нам непрестанно твердили, что «невозможно заранее знать, какой будет революция, что ничего нельзя предвидеть». Точно

так же как Бланки в свое время выработал планировку эффективных баррикад еще до Коммуны, мы можем определить, какие пути вне нынешней пустыни нам подходят, а какие нет. Поэтому в книге уделяется некоторое внимание и техническим аспектам восстания. Упомянем здесь лишь, что оно фокусируется на способах локального присвоения власти народом, на физической блокаде экономики и на уничтожении полицейских сил.

Книга призывает нас к экспериментальному поиску способов разрыва с состоянием полной управляемости, приспособленности вещей и людей в современном капиталистическом обществе. И всякий, кто отвергает это положение вещей и желает действовать, может встретить эту книгу как товарища, постучавшегося к нему в дверь. Впустив его в дом и поговорив с ним, мы поймем, что должны рассчитывать только на самих себя и соизмерять свои силы с реальностью... И примем решение сформировать коммуны вместе с другими, кто тоже сбросил с себя индивидуальный панцирь, чтобы вместе размышлять, связав свою жизнь с политическим, прийти к действиям, которые помешают нашему «превращению в настоящих обитателей пустыни, вольготно чувствующих себя в ней», как говорила Хана Арендт. Дверь открыта. Она хлопает на ветру товарищеских встреч и грядущего восстания...

Комитет 11 ноября

Комитет11ноября.wordpress.com

ГРЯДУЩЕЕ ВОССТАНИЕ

С какой бы стороны мы ни смотрели на наше настоящее, оно безысходно. В этом – одна из его главных черт! Оно выбивает почву из-под ног даже у тех, кто хочет надеяться до последнего. Любой смельчак, утверждающий, будто знает, что делать, будет тут же разоблачен. И все кругом соглашаются, что дальше будет только хуже. «У будущего больше нет будущего» – такова мудрость наступившей эпохи, которая кажется убийственно нормальной и напоминает состояние духа первых панков.

Сфера политического представления схлопывается на наших глазах. На левом и правом флангах одно и то же ничтожество принимает позы вождей или насвистывает невинные напевы, одни и те же выскочки обмениваются репликами, следуя последним инструкциям своих пиар-отделов. Кажется, те, кто все еще голосует, мечтают лишь о том, чтобы взорвать урны, ибо они голосуют против. Тут-то и становится очевидным, что люди продолжают голосовать именно *против самого института голосования*. В такой ситуации не удовлетворяет ни один вариант, вырисовывающийся на горизонте. Самим своим молчанием народ доказывает свою гораздо бóльшую зрелость, чем все эти жестикулирующие марионетки, которые дерутся друг с другом за право им руководить. Возьмите первого попавшегося старика-магрибинца из Бельвиля, и он окажется мудрее, чем любой из наших так называемых правителей в любой из своих деклараций. Крышка социального котла закручивается на три оборота, и изнутри паровое давление все нарастает. Призрак «Que se vayan todos!»¹, впервые замеченный в Аргентине, начинает всерьез пугать правителей.

Искры большого пожара 2005 года непрестанно тлеют в умах. Эти первые радостные фейерверки – боевое крещение, открывающее десятилетие, которое так много нам сулит. Медиа-сказка про «пригороды против Республики» весьма эффективна, но неправдоподобна. Бунт дошел и до кварталов в городских центрах, что методически замалчивалось в СМИ. В Барселоне из солидарности палили целые улицы, но знали об этом только их жители. Замалчивается также и то, что с тех пор страна по-прежнему вспыхивает то здесь, то

¹ «Пусть все они проваливаются!» - главный лозунг аргентинских народных волнений 2001-2002, вызванных суровым финансовым кризисом, и приведших к отставке правительства и смене нескольких президентов за несколько недель. Направлен против мирового неолиберального экономического порядка и его институтов. Тех пор он часто воспроизводится во время разных альтерглобалистских выступлений. - *Здесь и далее в сносках примечания переводчика*

там. И среди обвиняемых в этих поджогах мы обнаружим людей самого разного происхождения, которых объединяет только одно: ненависть к существующему общественному устройству, а вовсе не классовая, расовая или территориальная принадлежность. Новизна здесь не в самих «пригородных бунтах» – даже бунты 1980 года были уже не новы², – а в разрыве с его устоявшимися формами. Бунтовщики не слушают никого – ни «старших братьев»³, ни местные ассоциации, призванные нормализовать ситуацию. Никакой «SOS Расизм»⁴ не сможет пустить свои раковые метастазы в это событие. Только усталость, фальсификация и круговая порука молчания смогли создать иллюзию того, что все закончилось. Позитивная сторона всей этой череды ночных ударов, анонимных атак, бессловных разрушений видится, по крайней мере, в том, что они поставили нас перед зияющей пропастью, которая разверзлась между политикой и политическим. И действительно, никто теперь не сможет, не покрывив душой, отрицать увесистую очевидность этой агрессии, где агрессоры не выдвигали никаких требований, не адресовали обществу никакого послания, кроме чистой угрозы. Нужно быть слепым, чтобы не увидеть чисто *политическую* подоплеку в этом яростном отрицании *политики*. Или же нужно быть в полном неведении о тридцати последних годах развития молодежных автономных движений. Подоженные этими потерянными детьми, горели погремушки общества, которое не более заслуживает

² Речь идет о бунтах молодежи магребинского происхождения, начавшихся с пригородов Лиона (Воль-ан-Велен, Менгет), в 1979-1981 годах. Поводом для них стали ранения и убийства нескольких подростков полицией.

³ Фр. Grands frères. После бунтов в лионских пригородах, власти этих «трудных кварталов» ведут так называемую политику «старших братьев». Она состоит в том, чтобы выделять среди местной молодежи авторитетную когорту, парней 20-ти и более лет, нанимать их на временную службу, с тем, чтобы они поддерживали социальный мир на своих территориях и обуздывали «трудных подростков», говоря с ними на их языке, обретаясь в тех же местах, что и они. В политике «старших братьев» содержалось признание неэффективности традиционной государственной социальной работы. 2005 год показал существенное уменьшение роли «старших братьев», в том числе, вследствие окончания специальной программы «Молодежная занятость», которая их финансировала.

⁴ «SOS Racisme» – французская антирасистская ассоциация, созданная в 1984 году при прямом содействии и участии правящей тогда Социалистической партии. Критика радикальных левых в ее адрес состоит в том, что она инструментализировала и подмяла под себя изначально более радикальное антирасистское движение, сфокусировав внимание общественности на необходимости разработки специальных образовательных программ для средних школ «трудных пригородов» и на улучшении оснащения этих территорий локальными торговыми, ассоциативными и транспортными инфраструктурами. Вплоть до сегодняшнего дня, такая «территориально-образовательная» концепция решения проблем пригородов остается доминирующей. Франция принципиально отказывается вести политику «позитивной дискриминации» при приеме на работу, и разрабатывать специальные программы интеграции молодежи второго поколения иммиграции через сферу занятости.

почтения, чем парижские монументы на исходе «Кровавой недели»⁵. У нынешней ситуации не будет *социального* решения. Во-первых, потому, что невнятное скопище сред, институтов и индивидуальных мирков, которое принято иносказательно называть «обществом», не обладает никакой внутренней консистенцией. Во-вторых, потому что в языке больше нет средств для выражения общего опыта. А как можно перераспределять богатства, если не разделяешь общий язык? Потребовалось полвека борьбы вокруг наследия Просвещения, чтобы ослабить потенциал Французской революции, и вековая борьба в сфере труда, чтоб на свет появилось грозное Государство социального благоденствия. Борьба создает язык, на котором говорит новый порядок. Сегодня же нет ничего подобного. Нынешняя Европа – континент-банкрот, тайком затоваривающийся в *Lidl*⁶ и путешествующий дешевыми авиарейсами, благодаря которым он только и может продолжать передвигаться. Ни одна «проблема», формулируемая на социальном языке, не находит здесь решения. Вопросы «пенсий», «социальной уязвимости», «молодежи» и ее «актов жестокости» так и будут нерешенными до тех пор, пока общество полицейски подавляет эти все более разительные переходы к действию, которые за ними скрываются. И как ни старайся, не удастся представить в величественном свете мелкие подачки одиноким покинутым старикам, которым абсолютно нечего сказать. Те, кто встал на путь преступности, находя в ней меньше унижения и больше отдачи, чем в уборке помещений, не сложат оружие, и тюрьма не привьет им любовь к обществу. Толпы пенсионеров, страстно стремящиеся к отдыху и удовольствиям, не станут рабски сносить суровое урезание их месячных пособий, и отказ от работы широких слоев молодежи только еще больше утвердит их в этом. Никакой прожиточный минимум, который власти, наконец, гарантируют после полу-восстания, не сможет заложить основы Новой сделки⁷, нового общественного договора, нового примирения. Слишком уж безвозвратно испарилось из нашего общества чувство социальной солидарности.

Как же решается эта проблема? Давление и, вместе с ним, территориальный полицейский контроль будут только усиливаться, чтобы гарантировать, что *ничего не произойдет*. Беспилотный самолет,

⁵ Кровавая неделя (22-28 мая 1871 года) – финальный эпизод Парижской коммуны, подавление коммунаров версальской армией и их массовый расстрел.

⁶ Европейская сеть дешевых супермаркетов.

⁷ New deal – так американский президент Франклин Рузвельт назвал свою социально ориентированную политику, призванную бороться с последствиями Великой Депрессии.

который, по признанию самой полиции, совершил контрольный полет над департаментом Сэн-Сен-Дени⁸ 14 июля прошлого года, рисует нам картинку будущего в более правдивых тонах, чем все возможные гуманистические словоблудия. И тот факт, что сочли нужным уточнить, что он не был вооружен, дает довольно ясное представление о том, на какой путь мы встали. Территория будет поделена на все более многочисленные взаимонепроницаемые зоны. Автомагистрали, пролагаемые по краю «сложных кварталов», возводят невидимую стену, которая вполне способна защитить от них малоэтажные буржуазные пригороды. Что бы ни думали об этом правоверные республиканцы, управление кварталами, основанное на разделениях между «сообществами», считается наиболее действенным. Посреди этого грядущего все более сверкающего и изошренного распада, городское меньшинство, живущее в основных городских центрах, будет вести свою роскошную жизнь. Вся планета будет освещена огнями этого богатого публичного дома, в то время как спецназ и полицейские патрули будут размножаться до бесконечности, а правосудие будет все более безнаказанно их покрывать.

Тупик настоящего заметен везде и во всем, но его повсюду отрицают. Современные психологи, социологи, литераторы, каждый на своем жаргоне, с небывалой оживленностью пытаются об этом рассуждать, однако бросается в глаза отсутствие у них каких-либо выводов. Достаточно вслушаться в песни эпохи, - с одной стороны, остроумные пустячки «французского шансона», в котором мелкая буржуазия препарирует свои состояния души, с другой стороны, объявления войны радикальными рэперами из группы «*Mafia K'IFry*», – чтобы понять, что это зыбкое сосуществование скоро рухнет, и что исход не за горами.

Эта книга подписана именем воображаемого коллектива. Ее составители не являются ее авторами. Они довольствовались тем, что слегка упорядочили общие места эпохи и придали стройности бормотанию в барах и за закрытыми дверями спален. Они лишь зафиксировали неизбежные истины, те, повсеместное вытеснение которых приводит к переполнению психиатрических больниц и вызывает боль во взглядах. Они почувствовали себя летописцами этой ситуации. В том и преимущество радикальных обстоятельств, что их точное представление по всей логике приводит к революции. Достаточно сообщать о том, что разворачивается у тебя перед глазами, и не утаивать тот вывод, который при этом напрашивается.

⁸ Департамент Сэн-Сен-Дени считается одним из самых проблемных, в силу высокой концентрации там социально уязвимого населения, состоящего из иммигрантов и их потомков.

КРУГ ПЕРВЫЙ.

«Я ТОТ, КТО Я ЕСТЬ!»

«I AM WHAT I AM». Таков последний подарочек маркетинга миру, такова высшая стадия рекламной эволюции, которая далеко переплюнула все предыдущие увещевания «быть другим», «быть самим собой» и «пить Пепси». Десятилетия развития концептов и концепций, и ради чего? Чтобы прийти к чистой тавтологии. «Я»=«Я». Он бежит по бегущей дорожке перед зеркалом своего спортивного клуба. Она возвращается домой, за рулем своей Smart. Суждено ли им встретиться? «Я ТОТ, КТО Я ЕСТЬ». Мое тело принадлежит мне. Я есть я, ты есть ты, *и все плохо*. Массовая персонализация. Индивидуализация всех условий – жизни, работы, несчастья. Вялотекущая шизофрения. Прогрессирующая депрессия. Атомизация, распад на мельчайшие параноидальные частицы. Истеризация всякого человеческого контакта. Чем больше я хочу быть Самим Собой, тем более меня снедает ощущение пустоты. Чем яростней я самовыражаюсь, тем более я выдыхаюсь. Чем суетливее я ношусь в поисках себя, тем более я устаю. Я хватаюсь, ты хватаешься, мы хватаемся за наше «Я», как за постылую подпорку. Мы превратились в представителей самих себя – весьма странное занятие! – в гарантов собственной индивидуализации, которая, в итоге, подозрительно смахивает на ампутацию. И мы, с хорошо или плохо скрываемой неуклюжестью, делаем вид, что владеем ситуацией, пока не приходим к полному краху.

Но пока этого не произошло – *я рулю*. Поиски себя, мой блог, моя квартира, последние модные безделушки, сердечные дела, перетрах... Сколько же костылей нам требуется для поддержания своего «Я»! Если бы «общество» еще не стало полной абстракцией, то этим понятием можно было бы обозначить весь набор экзистенциальных ходуль, которые мне протягивают, чтобы я еще какое-то время смог тащиться по жизни через всю череду зависимостей, которые я приобрел ценой своего самоопределения. *Инвалид – такова грядущая модель гражданина*. Предчувствуя это, ассоциации, эксплуатирующие ее, требуют теперь обеспечить ему гарантированный минимальный доход⁹.

⁹ Гарантированный минимальный доход (фр. *revenu d'existence*) – проект, в соответствии с которым определенная (небольшая) ежемесячная сумма должна поступать на счет каждого гражданина данной страны, в соответствии с критерием гражданства, и вне зависимости от наличия/отсутствия других трудовых или нетрудовых доходов, частичной или полной занятости

Вездесущее требование «что-то из себя представлять» поддерживает патологическое состояние, которое и делает это общество столь необходимым. Требование быть сильным производит слабость, благодаря которой оно и существует, вплоть до того, что *всё словно бы принимает вид некой терапии*, даже работа или любовь. Вспоминаете все эти «Как дела?», которыми мы обмениваемся на протяжении дня? Они напоминают периодические замеры температуры, которые делаем друг другу мы, граждане общества пациентов. Общение теперь запряталось в тысячи маленьких ниш, тысячи микроскопических прибежищ, где мы укрываемся от холода и где нам все-таки комфортнее, чем снаружи, на морозе. И в этих нишах все фальшиво, поскольку служит лишь тому, чтобы согреться. И ничего значительного произойти тут просто не может, потому что сидя в них, мы ничего не видим и не слышим, а заняты только тем, что вместе дрожим мелкой дрожью. Скоро единственное, что будет объединять это общество, так это стремление всех социальных атомов к иллюзорному излечению. Это теплостанция, турбины которой крутятся гигантским удержанием слез, готовых пролиться в любой момент.

«I AM WHAT I AM». Никогда еще господство и подавление не находило таких безупречных лозунгов, как этот. Поддержание «Я» в состоянии перманентного полураспада, хронического угасания – таков самый строго хранимый секрет современного порядка вещей. Слабое, тоскующее, самокритичное, виртуальное «Я» и есть, по сути своей, тот самый субъект, приспособляемый до бесконечности, который нужен производству, основанному на инновации и быстром устаревании технологий, который столь необходим для постоянного перекраивания социальных норм, для триумфа общества всеобщей сгибаемости. Это

или безработицы. Этот проект вызывает много дебатов, так как ставит под сомнение существующую при капитализме меритократическую систему вознаграждения, отделяя доходы от занятости – настоящей или прежней (в случае пособия по безработице). Он означает замещение нынешней системы социальной защиты, при которой, чтобы получить денежное пособие, нужно доказывать отсутствие других источников доходов, инвалидность, усилия по поиску работы и/или невозможность ее найти, и т.п. Работа, таким образом, должна будет превратиться в свободный выбор индивида, перестав быть жестокой необходимостью выживания. Считается, что бóльшее развитие, таким образом, получит ассоциативный, активистский, добровольческий сектор деятельности. Поначалу безусловный прожиточный минимум пропагандировался только в ассоциативной и университетской среде разных стран: например, AIRE (Association pour l'instauration d'un revenu d'existence – Ассоциация за введение гарантированного минимального дохода) или BIEN (Basic Income Earth Network – Всемирная сеть базового дохода) – координационная сеть европейских ассоциаций, борющихся за введение гарантированного минимального дохода. В 2004 году этот принцип принят в Бразилии. С 2008 года эта идея начинает проникать на правительственный уровень в разных странах мира (Испания, Ирландия, Франция, Финляндия...). – *Здесь и далее, примечания переводчика.*

«Я» – самый жадный потребитель и, в то же время, как ни странно, самый *эффективный производитель*, который бросается со всей своей жадной энергией на каждый новый проект, прежде чем снова вернуться к изначальному личиночному состоянию.

«ЧТО ЕСТЬ Я»? С раннего детства «Я» пронизывают потоки молока, запахов, историй, звуков, привязанностей, сказок, веществ, жестов, идей, впечатлений, взглядов, напевов и еды. Что есть «Я»? «Я» всеми фибрами своими связано с местами, страданиями, предками, друзьями, любовями, событиями, языками, воспоминаниями, со всякого рода вещами, которые, совершенно очевидно, *не являются «мной»*. Все, что привязывает меня к миру, все эти населяющие меня силы вовсе не сливаются в некую монолитную идентичность, которую меня принуждают лелеять и выставлять напоказ. Все эти силы образуют *существование*, живое, уникальное, разделяемое с другими, откуда периодически высовывается то самое существо, которое говорит «Я». Наше ощущение внутренней несостоятельности есть лишь следствие этой дурацкой веры в субстантивность «Я» и нашего небрежного отношения к тому, ЧТО это «Я» составляет.

При виде слогана Reebok «Я ТО, ЧТО Я ЕСТЬ», увенчивающего шанхайский небоскреб, накатывает тошнота. По всему миру Запад засылает своего троянского коня – эту убийственную антиномию «Я»/мир, индивид/группа, привязанность/свобода. Свобода – это вовсе не избавление от наших привязанностей, а *практическая* способность ими распоряжаться, устанавливать и углублять их, двигаться благодаря им. Семья становится адом только для тех, кто не смог или не захотел бороться с ее выморочными деморализующими механизмами. Свобода *отрыва* всегда была лишь призраком свободы. Невозможно избавиться от стесняющих нас пут, не потеряв вместе с тем и то, к чему мы могли бы прилагать свои силы.

«I AM WHAT I AM» – это не просто ложь и бессмыслица, не просто рекламная кампания, это *военная* операция. Это воинственный клич, направленный против всего того, что находится *между* существами, против всего, что вращается и перетекает, связывает их невидимыми нитями, против всего, что оберегает нас от полного опустошения, против всего, что позволяет нам *существовать* и благодаря чему мир еще не повсюду стал похож на автомагистраль, парк аттракционов или город новостроек: на пустое, ледяное пространство, в котором передвигаются лишь меченые номерными знаками тела, молекулы автомобилей и идеальные товары.

Франция не стала бы родиной анксиолитических средств, раем антидепрессантов и меккой невроза¹⁰, если бы не была европейским лидером почасовой производительности труда. Болезнь, усталость, депрессию можно считать индивидуальными симптомами той большой болезни, от которой нам всем давно пора лечиться. Эти симптомы способствуют поддержанию существующего порядка, «моему» послушному приспособлению к дурацким нормам, усовершенствованию «моих» костылей. Они проводят во «мне» отбор оппортунистских, конформистских, производительных наклонностей, отменяя все, от чего придется тихонько и ненавязчиво избавиться. «Видишь ли, нужно уметь меняться». Но понимаемые как непреложные факты, мои недостатки могут привести и к краху гипотезы «Я». И тогда они становятся актами сопротивления в нынешней войне. Они превращаются в бунт и сгусток энергии, направленной против всего того, что планомерно нормализует и ампутрует нас. «Я» – это не наш внутренний кризис, а шаблон, под который нас хотят подогнать.

Из нас хотят сделать четко отграниченные друг от друга «Я», легко классифицируемые и описываемые по целому ряду характеристик, одним словом – контролируемые. Тогда как мы – создания среди созданий, уникальности среди себе подобных, живая плоть от плоти этого мира. Вопреки тому, что нам твердят с самого детства, быть умным не означает способность приспособливаться, а если это и ум, то ум рабский. Наша неприспособленность, наша усталость – проблемы только для тех, кто желает нас поработить. На самом же деле, эти чувства отмечают некую отправную точку, точку сопряжения, из которой вырастут невиданные прежде формы солидарности. Они открывают взору пейзаж удручающей разрухи, который, однако, гораздо более способен объединить нас друг с другом, чем все фантазмагии, лелеемые этим обществом.

Мы не в депрессии, мы объявляем забастовку. Для тех, кто отказывается быть винтиком, «депрессия» – это не состояние, а переход, прощальный взмах рукой, шаг в сторону, к политическому разрыву. С этого момента единственно возможный путь к примирению с прежним положением лежит через лекарства или полицейскую дубинку. Именно поэтому общество не стесняется прописывать своим слишком активным

¹⁰ С середины 1990-х годов установлено, что Франция потребляет в 2-4 раза больше анксиолитиков, антидепрессантов и транквилизаторов, чем любая другая европейская страна. С тех пор этот факт периодически становится поводом для обеспокоенных дебатов во французских масс-медиа.

детям риталин, там и сям расставляет сети медикаментозной зависимости и заявляет о том, что «сбои в поведении» можно выявлять с возраста трех лет¹¹. Ибо гипотеза «Я» трещит по всем швам.

КРУГ ВТОРОЙ.

«РАЗВЛЕЧЕНИЕ – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ».

Правительство объявляет чрезвычайное положение против пятнадцатилетних подростков. Страна вверяет свое спасение футбольной команде. Полицейский, попавший в больницу, жалуется на то, что стал жертвой «насилия». Префект дает приказ арестовать тех, кто строит хижины на деревьях. Два десятилетних ребенка в городе Шелль обвиняются в поджоге игротеки. Нынешняя эпоха превзошла саму себя в череде гротескных ситуаций, которые, похоже, выходят у нее из-под контроля. Надо сказать, что масс-медиа не прикладывают особых стараний к тому, чтобы заглушить жалобными и негодующими разговорами взрывы хохота, которые наверняка встречают подобные новости.

Взрыв сокрушительного хохота – таков подобающий ответ на все эти сверхсерьезные «проблемы», которые так любят поднимать в сводках новостей. Можно начать с самой заезженной из них. Что еще за «проблема иммиграции»? Поразмыслим: кто из нас растет там же, где он родился? Кто живет там же, где вырос? Кто работает там же, где живет? Кто еще живет там же, где жили его предки? И чьи эти современные дети – телевидения или собственных родителей? Правда состоит в том, что нас массово оторвали от всех наших первоначальных принадлежностей, что мы теперь из ниоткуда, и этим объясняется не только наша небывалая склонность к туризму, но и неизбывное страдание. Наша история – это история колонизации, миграций, войн, изгнаний, разрушения всякой укорененности. Это история всего того, что сделало нас чужаками в этом мире, гостями в нашей собственной

¹¹ С 2006 года французские правые (UMP – Union pour majorité présidentielle, Союз президентского большинства) периодически заявляют о необходимости выявлять «сбои в поведении» на ранней стадии, например, у детей с трех лет. Для этого, по их мнению, следует разработать целую программу на уровне детских садов, в которую нужно привлечь психологов, воспитателей и социальных работников. Эти «рационализаторские» предложения выдвигаются в рамках кампании по борьбе с растущей подростковой преступностью.

семье. Образование экспроприировало наш язык, попса - наши песни, массовая порнография – нашу телесность, полиция – наш город, наемный труд – наших друзей. К этому во Франции прибавляется еще и яростная секулярная работа по индивидуализации: ее производит государственная власть, которая регистрирует, сравнивает, дисциплинирует и отделяет друг от друга своих подданных с молодых ногтей, которая инстинктивно ломает все неподконтрольные ей солидарности, оставляя место лишь для гражданства, чистой и фантазмагоричной принадлежности к Республике. Француз – самый жалкий лишенец. Его ненависть к чужакам сливается воедино с его ненавистью к самому себе *как чужаку*. Его смешанная со страхом зависть к «мультиэтническим кварталам» (*cités*) только выдает его злобную горечь по поводу всего, что он потерял. Он не может не завидовать этим так называемым кварталам «изгнания», где еще остались частицы совместной жизни, какие-то связи между существами, какие-то негосударственные солидарности, неформальная экономика и организация, которая еще не отчуждена от самих организующихся. Мы дошли уже до той точки лишенности, что единственный способ почувствовать себя французом - ругать иммигрантов, всех, кто более явный *чужак, чем я*. Забавно, иммигранты в этой стране занимают особую исключительную позицию: *если бы их не было, возможно, французов бы тоже уже не существовало*.

Франция – продукт своей школы, а не наоборот. Мы живем в очень школярской стране, где выпускные экзамены средней школы вспоминаются как один из самых примечательных моментов жизни. Где пенсионеры спустя сорок лет говорят вам о своем провале на том или ином экзамене и о том, как это испортило их карьеру и всю жизнь. За полтора века Республиканская школа сформировала особый и узнаваемый среди прочих тип загосударствленной идентичности. Это люди, безоговорочно принимающие принцип отбора и соревновательности при условии равенства шансов. Они ждут, что в жизни каждый будет вознагражден по заслугам, как на экзамене. Прежде, чем что-то взять, они всегда спросят разрешения. Они безропотно почитают культуру, правила и отличников. Даже их привязанность к великим критическим интеллектуалам и отвержение капитализма пронизаны этой любовью к школе. С упадком школьной институции постепенно, день за днем, рассыпается в прах и это государственное конструирование идентичностей.

Появление в последние двадцать лет уличной школы и уличной культуры, конкурирующих с республиканской школой и ее картонной

культурой, стали для современного французского универсализма глубокой трамвой. И в этом самые крайние правые безусловно единомышленны с самыми яркими левыми. Одно только имя Жюль Ферри¹², министра при Тьере во время подавления Коммуны, теоретика колонизации, должно было бы уже бросить густую тень сомнения на эту институцию.

Что же касается нас, то при виде преподавателей, состоящих в очередном «комитете гражданской бдительности» и ноющих в вечернем выпуске новостей о том, что *их* школу сожгли, мы сразу припоминаем, сколько раз мы сами об этом мечтали, будучи детьми. Когда мы слышим, как левый интеллигент изрыгает проклятия по поводу варварства молодежных группировок, задирающих прохожих на улице, ворующих в магазинах, поджигающих машины и играющих в кошки-мышки со спецназом, мы сразу вспоминаем, что говорилось о черных блузах в 1960-е годы или даже об *апачах* во времена *Belle époque*: «Под общим названием «апачи» - пишет один судья в трибунал департамента Сены в 1907 году, - в последние несколько лет стало модно обозначать всех опасных индивидов, всякое сборище рецидивистов, врагов общества без роду и племени, чуждых чувству долга и обязанностей, готовых к самому рискованному пособничеству, к любому покушению на людей и их собственность». Эти шайки, избегающие работы, называемые по имени своего квартала, идущие на стычки с полицией – сущий кошмар для добропорядочного гражданина *à la française*. Они воплощают все то, от чего он отказался, всю возможную радость, которой он навсегда лишен. Есть некоторая странность в том, чтобы *существовать* в стране, где ребенка, который начинает спонтанно напевать, неизменно обрывают грубым окликом: «прекрати, от тебя уши вянут!» Где школьная кастрация непрерывным потоком производит поколения дисциплинированных работников. Неистребимая аура Мезрина¹³ объясняется не столько его прямолинейностью и дерзостью, сколько его мстительностью тем, кому все мы должны бы отомстить. Вернее, тем, кому мы должны отомстить *напрямую*, вместо того, чтобы продолжать ходить вокруг да около. Ведь совершенно очевидно, что многочисленными малозаметными подлостями, всем своим злословием, мелкими злыми

¹² Жюль Ферри (1832-1893) – французский политик, президент совета министров, прославившийся продвижением всеобщего обязательного бесплатного и светского среднего образования, которое стало краеугольным камнем республиканской французской идентичности. Известен также и как ярый сторонник французской колониальной экспансии.

¹³ Жак Мезрин (1936-1979) – знаменитый французский гангстер, прославившийся громкими ограблениями и побегами из тюрьмы. Иногда его называют французским Робинот Гудом. В начале 1970-х годов он был объявлен «общественным врагом номер один».

выходками и язвительной вежливостью француз непрерывно мстит всем и вся за свою задавленность, с которой он безропотно смирился. Пришло время вместо «да, господин полицейский» говорить «еби полицию!» В этом смысле, бесхитростная враждебность некоторых группировок лишь выражает в менее приглаженной манере общую тягостную атмосферу, дух недоброжелательности и нереализованное желание спасительного разрушения, в которых погрязла эта страна.

Называть «обществом» народ чужаков, в котором мы живем – это столь вопиющий подлог, что даже социологи подумывают уже отказаться от концепта, который целый век позволял им зарабатывать на жизнь. Отныне они предпочитают метафору «сетей» для описания того, как соединяются друг с другом кибернетические одиночества, как завязываются слабые взаимодействия, известные под именами «коллега», «контакт», «приятель», «отношение» или «похождение». Однако иногда эти сети конденсируются в *тусовку*, которую объединяют разве что особые коды и где разыгрывается разве только постоянный поиск идентичности.

Не стоит терять время на подробное перечисление всего того, что агонизирует в современных общественных отношениях. Сейчас много говорят о возвращении семьи и супружества. Но вернувшаяся семья уже не та, что когда-то ушла. Ее возвращение – лишь обман, поскольку служит прикрытием для царящих всюду развода и раздела. Каждый может припомнить о той толике грусти, что накапливается из года в год во время семейных праздников, об этих натянутых улыбках, об этом смущении при виде всеобщего тщетного притворства, об ощущении того, что на столе лежит труп, но все делают вид, будто ничего не происходит. От ухаживаний к разводу, от сожительства к перекроенной семье каждый познает всю несостоятельность унылого семейного ядра, но большинство при этом считает, что отказаться от него было бы и того хуже. Семья – это уже не столько удушливые материнские объятия или патриархат швыряемых в лицо пирогов, сколько инфантильное самозабвение в состоянии вялой созависимости, где все заранее известно. Это островок беззаботности в мире, который явно катится в тартарары, в мире, где «стать автономным» - лишь эвфемизм для «найти себе босса». И биологической родственностью стремятся оправдать то, что исподволь разрушают в нас любое слишком буйное стремление, что, под предлогом присутствия при процессе нашего роста, заставляют нас отказаться как от детской серьезности, так и от взросления. Остерегайтесь этой коррозии!

Супружеская пара – словно последний бастион посреди великого социального краха, словно оазис в человеческой пустыне. Под прикрытием «интимности» здесь ищут все, что безвозвратно ушло из современных социальных отношений: теплоту, простоту, правдивость, жизнь без театра и зрителей. Но как только проходит любовное опьянение, «интимность» сбрасывает свое рубище, и мы видим, что она – тоже социальное изобретение, она говорит языком женских журналов и психологии, она, как и все остальное, до омерзения опутана броней стратегий. И там ни на грамм не больше правды, чем везде, и там царят ложь и законы чуждости. Ну а если сильно повезет обнаружить там правду, то ею настолько хочется поделиться, что сама форма парных отношений окажется несостоятельной. То, благодаря чему существа любят друг друга, вместе с тем, делает их любимыми и для других и разрушает утопию парного аутизма.

На самом деле, распад всех социальных форм – это к лучшему. Вы видим в этом идеальное условие для массового и необузданного экспериментирования с новыми взаимодействиями, новыми привязанностями. Пресловутая «родительская отставка» привела нас к конфронтации с миром, которая рано придала нам ясность сознания и предвещает еще не один прекрасный бунт. В смерти пары мы видим рождение волнующих форм коллективной чувствительности – в эпоху, когда секс истрепался в хлам, когда мужественность и женственность походят на поеденные молью костюмы, а три десятилетия непрерывных порнографических инноваций исчерпали всю привлекательность трансгрессии и освобождения. Из всего, чего есть безусловного в родственных связях, мы собираемся соорудить каркас такой политической солидарности, которая будет столь же непроницаема для государственного вмешательства, как цыганский табор. И все, вплоть до бесконечных пособий, каковые многочисленные родители вынуждены перечислять своим люмпенизированным отпрыскам, может стать своего рода меценатством в поддержку социально подрывной деятельности. «Стать автономным» может также означать и: научиться бороться на улицах, занимать пустующие здания, обходиться без работы, безумно любить друг друга и воровать в магазинах.

КРУГ ТРЕТИЙ.

«ЖИЗНЬ, ЗДОРОВЬЕ, ЛЮБОВЬ УЯЗВИМЫ, ПОЧЕМУ БЫ ТРУДУ НЕ БЫТЬ ТАКОВЫМ?»¹⁴

Трудно вообразить более запутанный для французов вопрос, чем труд. Ни у кого не наблюдается такого болезненного отношения к труду, как у французов. Возьмите Андалузию, Алжир, Неаполь. По большому счету, тамошние жители труд презирают. Возьмите Германию, США, Японию. Там труд почитают. Правда все течет, все меняется. В Японии появляются свои *otaku*¹⁵, в Германии – свои *frohe Arbeitslose*¹⁶, а в Андалузии – свои трудоголики. Но пока это всего лишь экзотика. Во Франции мы лезем из кожи вон, карабкаясь по иерархической лестнице, но в частных беседах гордо заявляем о полном презрении к ней. В периоды авралов мы остаемся до десяти вечера на работе, но без всякого смущения подворовываем офисные материалы или пробавляемся на складах предприятия разными деталями, сбывая их потом при удобном случае. Мы ненавидим начальников, но готовы разбиться в лепешку, чтобы получить работу. Иметь работу – большая честь, работать – признак низкопоклонства. Одним словом, налицо – полная клиническая картина истерии. Мы любим, ненавидя, и ненавидим, любя. А всем известно, какой ступор и смятение овладевают истериком, когда он теряет свою жертву, своего хозяина. Чаще всего он так и не оправляется от потери.

В такой, по сути, очень политической стране, как Франция, власть промышленников всегда подчинялась государственной власти. Экономическая деятельность неизменно контролировалась мелочной скрупулезной администрацией. Шефы предприятий, не ведущие свою родословную от государственной аристократии, взращиваемой такими альма-матерями, как Высшая политехническая школа и Нормальная школа администрации¹⁷, остаются париями в мире бизнеса, и в закулисных разговорах все сходится на том, что они жалки. Бернар

¹⁴ Буквально такую формулировку выдала Лоранс Паризо, председатель *Medef*, французского профсоюза руководителей предприятий, в интервью правой газете *Figaro* в августе 2005 года.

¹⁵ *Otaku* – от японского «ваш дом», это слово означало вежливое обращение на «вы». В последнее время оно стало означать домоседов, с головой погруженных в свое хобби, проводящих дни перед компьютером, за играми, коллекционированием, чтением манги и т.п.

¹⁶ Нем. *frohe Arbeitslose* – счастливые безработные.

¹⁷ Фр. *Ecole polytechnique*, *Ecole Normale d'Administration*, два самых элитных вуза во Франции, выпускники которых никогда не имеют проблем с трудоустройством, занимая наиболее престижные места в государственном и коммерческом управлении.

Тапи¹⁸ – вот их трагический герой: его сначала обожали, потом посадили в тюрьму, но он был и остается *неприкасаемым*. И ничего удивительного в том, что теперь он снова вышел на сцену. Наблюдая за ним, как за монстром, французская публика держит его на безопасной дистанции и, взирая на столь завораживающую гнусность, избегает контакта с ним. Несмотря на весь этот великий блеф 1980-х годов¹⁹, *культ предпринимательства так и не смог привиться во Франции*. И всякий, кто решит написать книгу, развенчивающую этот культ, наверняка станет автором бестселлера. Менеджерская культура и литература могут сколько угодно дефилировать по публичному подиуму, они всегда будут окружены санитарным кордоном зубоскальства, океаном презрения, морем сарказма. Предприниматель никогда не станет своим человеком. По большому счету, даже полицейский занимает не столь высокую ступень в иерархии ненависти, как предприниматель. Ведь государственная служба была и остается общим определением *доброй* работы, бастионом против бурь и наводнений, против *golden boys* и приватизаций. Богатству тех, кто не на госслужбе, могут завидовать, но никто не завидует их позиции.

И пусть на фоне этого невроза одно правительство за другим объявляет войну безработице и громогласно объявляет «бой за занятость». А меж тем, бывшие ответственные кадры ютятся со своими мобильниками в палатках «Врачей мира»²⁰ на берегу Сены. Многочисленные усилия Государственной службы занятости так и не приводят к снижению безработицы ниже уровня двух миллионов, несмотря на все статистические ухищрения. А «минимальное пособие по интеграции»²¹ и всякого рода мелкая незаконная торговля, по

¹⁸ Бернар Тапи (род. в 1943 г.) – по сей день один из самых богатых и скандально известных мошенников государственного уровня, замешан в крупных махинациях, связанных с банком *Credit Lyonnais*, долгое время занимал высшие должности в министерстве городского устройства, был депутатом городского собрания, но потом потерял депутатскую неприкосновенность и отсидел срок.

¹⁹ В 1980-е годы во Франции к власти пришло социалистическое правительство Миттерана, и протестный потенциал французской левой был, таким образом, временно нейтрализован или дезориентирован. Эти годы стали эпохой культа денег, бизнеса, индивидуального экономического успеха и забвения таких ценностей 1960-1970-х, как коллективная солидарность и борьба против произвола капиталистов.

²⁰ Имеется в виду кампания, начатая «Врачами мира» зимой 2005 года, в ходе которой несколько сотен бездомных получили палатки для ночлега на парижских улицах. Это начинание, призванное сделать проблему нехватки жилья более заметной в публичном пространстве, периодически возобновлялось в последующие годы, в том числе, другими ассоциациями, и иногда сопровождалась конфликтным вмешательством полиции, сворачивавшей палатки.

²¹ Фр. RMI (*Revenu Minimum d'Insertion*) – буквально, «минимальное пособие по интеграции», сумма около 450 евро, получаемая безработными, которые либо никогда не работали, либо не

признанию самой Службы общей информации²², остаются единственной гарантией от социального взрыва, которым современная ситуация чревата в любой момент. В игре поддержания фикции труда ставками являются психическая экономия французов и политическая стабильность страны. Так плевали мы на эту фикцию! Мы принадлежим к поколению, которое *очень хорошо* живет и без нее. Которое никогда не полагалось ни на пенсию, ни на трудовое право, ни, тем более, на право *на* труд. Наше поколение даже нельзя назвать «социально уязвимым»²³, хотя именно такое определение нам дали самые продвинутые фракции традиционных борцов левого фронта. Потому что быть «социально уязвимым» означает по-прежнему определять себя через сферу занятости, то есть, в данном случае, через ее *деградацию*. Мы же отвергаем потребность работать и принимаем только необходимость добывать деньги любыми способами, поскольку пока в современном мире обходиться без них невозможно. Кстати, мы уже даже не работаем, а *подрабатываем*. Предприятие – не место нашей жизни, это место, через которое мы иногда проходим.

Мы не циники. Мы просто не желаем, чтобы нами злоупотребляли. И все эти разговоры о мотивациях, качестве, личных стараниях отскакивают от нас рикошетом, к вящему расстройству менеджеров по персоналу. Говорят, что мы разочарованы в предприятии, что предприятия не вознаградили наших родителей за честный и преданный труд, проворно поувольняв их при первом удобном случае. Но это ложь. Для того чтобы быть разочарованным, нужно было когда-то надеяться. Мы же ничего никогда не ждали от предприятия: мы спокойно осознаем, чем оно является – игрой простофиль с переменной степенью комфорта. Просто нам жалко, что наши родители попали в эту ловушку, что они в это поверили.

Смешанные чувства, вызываемые вопросом труда, можно объяснить следующим образом. Понятие труда всегда соединяло в себе две противоречивые стороны: элемент *эксплуатации* и элемент *участия*. Эксплуатация индивидуального и коллективного труда через частное или общественное присвоение прибавочной стоимости; участие в общем деле через связи, соединяющие между собой всех, кто сотрудничает на ниве производства. Эти два элемента порочным

могут найти новую работу в течение более двух лет (на протяжении первых двух лет после потери работы пособие представляет собой сначала почти полную, а затем убывающую часть от зарплаты на последнем месте работы).

²² Служба общей информации (фр. RG, Renseignements généraux) – система политического сыска во Франции.

²³ В оригинале – трудно переводимое одним словом прилагательное *précaire*.

образом перемешаны в понятии труда, что и объясняет, по большому счету, индифферентность трудящихся как к марксистской риторике, которая отрицает элемент участия, так и к менеджерской риторике, которая отрицает элемент эксплуатации. Отсюда и вся противоречивость отношения к труду: он одновременно позорный, поскольку отчуждает нас от того, что мы делаем, и любимый, поскольку в него мы вкладываем часть самих себя. Катастрофичность труда была заложена в нем давно: она связана со всеми теми разрушениями, которые пришлось осуществить, со всем, что пришлось искоренить для того, чтобы труд, в конечном итоге, стал *единственным способом существования*²⁴. Весь ужас труда заключается даже не столько в самом труде, сколько в методическом многовековом разрушении всего того, что трудом не является: форм солидарности по принципу соседства, по кровным связям и по принадлежности к единой профессии или ремеслу, привязанностей к местам, к существам, к временам года, к способам речи и действия. В этом заключается современный парадокс: труд одержал полную победу над всеми прочими способами существования в тот самый момент, когда трудящиеся стали лишними²⁵. Повышение производительности, делокализация, механизация, автоматизация и компьютеризация производства зашли настолько далеко, что количество человеческого труда, необходимого для производства каждого товара, свелось почти к нулю. Перед нами – парадокс общества работников без работы, где досуг, развлечения и потребление лишь подчеркивают зияющую пустоту на месте того, от чего они должны нас отвлекать и развлекать. Рудник Кармо, который целый век гремел на

²⁴ Эту идею прекрасно демонстрирует Карл Полянски в начале главы 14 («Человек и рынок») своей эпохальной и часто цитируемой альтерглобалистами книги «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени» (пер. с англ. А.А. Васильева и др.; под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002). Чтобы нагляднее объяснить, какой ценой устанавливался свободный рынок труда в Европе XVIII века, он описывает более недавний опыт колонизации африканских стран: колонизаторам приходилось «силой заставлять местное население зарабатывать на жизнь, продавая свой труд. А для этого следовало разрушить традиционные институты и помешать их восстановлению, поскольку в примитивном обществе, как правило, индивиду не угрожает голодная смерть, за исключением тех случаев, когда перед всем обществом в целом стоит такая угроза (...) Как ни плачевно, первый подарок белого человека миру темнокожих состоял в том, что он познакомил его с бедствиями голода. Так, колонизатор может решить вырубить плантацию хлебных деревьев, чтобы искусственно вызвать голод, или установить налог на хижины туземцев, чтобы вынудить их продавать свой труд» (*перевод мой*). 14-я глава в интернете не выложена, зато можно почитать другие, не менее интересные, например главу 3, которая разбивает в прах фикцию саморегулирующегося рынка. См.: <http://www.politstudies.ru/universum/dossier/02/polan-net.htm>

²⁵ Здесь воспроизводится один из основных тезисов пугающей в своей пронизательности книги Робера Кастеля «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда» (1995), перевод на русский язык которой только что вышел в издательстве «Алетейя».

всю Францию своими неистовыми забастовками, теперь превращен в «Страну открытий», спортивно-развлекательный комплекс для любителей острых ощущений, где можно покататься на «рудняцком» скейтборде и где для отдыхающих симулируются взрывы рудничного газа.

На предприятиях разделение труда определяется все более четкой линией. По одну ее сторону оказываются высококвалифицированные должности, связанные с исследованием, разработкой, контролем, координацией и коммуникацией, для которых требуется применять всю совокупность знаний, необходимых для этого нового процесса кибернетизированного производства. По другую ее сторону остаются все низкоквалифицированные работы по поддержанию этого процесса и присмотру за ним. Первых должностей так мало, они столь хорошо оплачиваемы и высоко востребованы, что то меньшинство, которое к ним пробивается, ни за что не оставит другим и крошки своей работы. Вот уж кто действительно слился с работой в крепких и судорожных объятиях и без остатка идентифицирует себя с ней! Менеджеры, ученые, лоббисты, исследователи, программисты, разработчики, консультанты, инженеры, в буквальном смысле, работают *непрерывно*. Даже их перетрахи призваны поднимать их производительность труда. «На самых креативных предприятиях завязывается больше всего интимных отношений», – теоретизирует философ из отдела кадров. «Сотрудники предприятия, – вторит ему философ от отдела кадров «Daimler-Benz», – это часть капитала предприятия (...). Их мотивация, их умения, их способность к инновации и их стремление удовлетворить желания клиента составляют главный ресурс инновационных служб (...). Их поведение, их социальная и эмоциональная компетентность обретают все больший вес в оценке их работы (...) Она будет оцениваться отныне не в количестве часов, проведенных на месте работы, а по достигнутым целям и качеству результатов. Они – предприниматели».

Все остальные трудовые операции, которые невозможно было делегировать машинам, составляют невнятную массу должностей, которые можно вверить любому – это грузчики, кладовщики, работники конвейерных цепей, сезонные рабочие и т.п. Такая гибкая, послушная, недифференцированная рабочая сила переходит от одной задачи к другой и никогда не задерживается долго на одном предприятии. Она не способна сформироваться в общественную силу, поскольку никогда не находится в центре производственного процесса, а как бы распылена по многочисленным периферийным промежуткам, ею затыкают те дыры, в

которые не удалось ввести машины. Временный наемный работник – таково воплощение этого рабочего, который и рабочим-то уже не является. У него больше нет своего ремесла, а есть только компетентность, которую он продает от одного заработка к другому, и его нахождение в резерве в состоянии перманентной готовности – тоже часть его работы.

По краям этого ядра действующих работников, необходимых для нормального функционирования машины, протянулось отныне ставшее избыточным большинство, которое, безусловно, пока необходимо для бесперебойного сбыта продукции и которое подвергает всю машинерию риску – риску того, что в результате своего бездействия оно станет ее саботировать. Угроза всеобщей демобилизации – вот призрак, страшащий современную систему производства.

И отнюдь не каждый сегодня в ответ на вопрос «Для чего нужно работать?» скажет то же, что сказала одна бывшая безработная в интервью газете *Liberation*: «Для собственного благополучия. Ведь нужно же чем-то себя занять». *Есть серьезный риск того, что мы, в конце концов, найдем применение нашему бездействию.* Это неустойчивое население должно быть чем-то занято, чтобы держать его под контролем. Однако по сей день не найдено лучшего метода дисциплинирования, чем наемный труд. Вот почему так уверенно и методично продолжается разрушение системы «социальных льгот»: нужно вернуть в лоно наемного труда самых строптивых, которые сдаются только тогда, когда им приходится выбирать между голодной смертью и гниением в тюрьме. Вот для чего растет весь этот рабский сектор «персональных услуг»: домработницы, рестораны, массаж, услуги на дому, проституция, частные уроки, терапевтический досуг, психологическая помощь и т.п. А в довершение картины – еще и непрерывное ужесточение норм безопасности, гигиены, поведения и культуры, нескончаемая гонка за эфемерной модой, которая и порождает необходимость подобных услуг. В Руане, например, стойки автоматической оплаты парковки уступили место «человеческому счетчику»: скучающий на улице человек выдает вам парковочный талон, а в дождливую погоду у него можно взять на прокат зонтик.

Устройство труда было синонимом устройства мира. От очевидности его краха захватывает дыхание, как только подумаешь, какими последствиями это чревато. Труд сегодня скорее связан с *политической* необходимостью в производстве производителей и потребителей, в спасении любыми средствами трудоцентричного мироустройства, чем с *экономической* необходимостью в производстве товаров. Производство

самого себя скоро станет основным занятием общества, в котором производство утратило свой объект: подобно плотнику, лишенному своей мастерской, который в отчаянии принимается строгать самого себя. Отсюда и весь этот спектакль, в котором молодые люди учатся правильно улыбаться, готовясь к собеседованиям, отбеливают зубы в надежде на успех, ходят вместе в ночные клубы для стимуляции корпоративного духа, учат английский для продвижения в карьере, разводятся или женятся, чтоб подбодрить себя для новых свершений, участвуют в театральные воркшопы, чтобы стать лидерами, или в практиках по «личностному развитию», чтобы лучше «разрешать конфликтные ситуации». Ибо именно самое интимное «личностное развитие», как утверждает один гуру, «способствует большей эмоциональной устойчивости, большей открытости в отношениях с другими, лучшему контролю и использованию интеллектуальных способностей, а значит, и повышению экономической эффективности».

Все это копошение этого маленького мирка, натаскивающего себя на «естественность», стоя на задних лапках в ожидании, что ему перепадет какая-нибудь работа, происходит из попытки спасти трудоцентричное мироустройство через этику *мобилизации*. Быть мобилизованным означает относиться к работе не просто как к занятию, а как к *жизненному шансу*. Если безработный избавляется от пирсинга, делает приличную стрижку и строит проекты, значит, он серьезно работает над своей, как принято говорить, «нанимабельностью», значит, он мобилизован. Мобилизация есть то легкое отлипание от самого себя, тот маленький отрыв от всего, что составляет твое нутро. Это то условие отчуждения, при котором «Я» может быть превращено в субъект труда, при котором становится возможным продать самого себя, а не свою рабочую силу, и получать вознаграждение не за то, что ты делаешь, а за то, что ты есть, за твое тонкое владение социальными кодами, за твои таланты в общении, за твою улыбку и манеру представляться. Такова новая норма социализации. Мобилизация накрепко спаивает две противоречивые стороны труда: при таком порядке люди участвуют в собственной эксплуатации и эксплуатируют любое стремление к участию. В идеале, мы сами себе становимся маленьким предприятием, своим собственным шефом и своим собственным продуктом. Неважно, работаешь ты или нет, главное – накапливать контакты, компетенцию, расширять свои «сети», одним словом, аккумулировать «человеческий капитал». Всепланетный призыв к мобилизации по любому поводу – будь то рак, «терроризм», землетрясение или проблема бездомных – отражает решимость власть

придержавших сохранить царство труда в эпоху его физического исчезновения. Таким образом, с одной стороны, современный аппарат производства – это гигантская машина психической и физической мобилизации, высасывания энергии из человеческих существ, ставших избыточными. С другой стороны, это машина *селекции*, которая предоставляет право на выживание лишь субъективностям, соответствующим норме, и оставляет на произвол судьбы «опасных индивидов», всех тех, кто сопротивляется ей, воплощая собой иной образ жизни. С одной стороны, мы подкармливаем призраков, с другой стороны, оставляем подыхать живущих. Такова собственно политическая функция современного аппарата производства.

Организовываться вне наемного труда и против него, коллективно выходить из режима мобилизации, проявлять жизнеспособность и дисциплину *в самом этом процессе демобилизации* – вот в чем наше преступление, которое цивилизация не готова нам простить. И вот в чем единственный способ выжить после ее краха.

КРУГ ЧЕТВЕРТЫЙ.

«ПРОЩЕ, ВЕСЕЛЕЕ, МОБИЛЬНЕЕ, БЕЗОПАСНЕЕ!»

Хватит твердить нам о «городе» и «деревне», а уж тем более об их застрелом противопоставлении. То, что простирается вокруг нас, не напоминает об этом ни близко, ни отдаленно: это единая урбанная пелена, бесформенная и беспорядочная, это скорбная, неопределенная и беспредельная зона, мировой континуум музеифицированных мегацентров и национальных парков, жилых массивов и огромных агропромышленных хозяйств, промзон и земельных участков, сельских гостиниц и продвинутых баров. Это метрополия. Города были в Античности, в Средние века и Новое время, но их нет при Метрополии. Метрополия стремится к тотальному синтезу территории. В ней все сосуществует, но не столько географически, сколько через сочленение ее сетей.

И именно потому, что город на грани исчезновения, сейчас его, так же, как и Историю, предают фетишизации. Лилльские мануфактуры превращаются в зрительные залы, бетонный центр города Гавр внесен в список наследия Юнеско. В Пекине были разрушены хутонги²⁶, окружающие Запретный Город, а неподалеку были сделаны их

²⁶ Хутонги – китайские традиционные кварталы, состоящие из узких улочек и переходов.

искусственные реконструкции на потеху любопытствующим. В Труа фахверковые стены налепляют на блочные здания. Это искусство стилизации чем-то напоминает магазинчики в викторианском стиле, встречающиеся в парижском Диснейленде. Исторические центры, испокон веков бывшие очагами бунтов, послушно занимают свои места в организационной схеме метрополии. Они отданы туризму и престижному потреблению. Они – островки торговой феерии, поддерживаемой с помощью ярмарок, особой эстетики и сил правопорядка. Удушливая слащавость рождественских рынков всегда дается ценой усиления охраны и муниципальных патрулей. Контроль идеально вписывается в товарный пейзаж, показывающий всякому, кто готов его увидеть, свой авторитарный оскал. Мы живем в эпоху эклектики, смеси из мотивчиков, раздвижных дубинок и сахарной ваты. А уж сколько полицейского наблюдения стоит за всем этим - просто загляденье!

Этот вкус к «аутентичному в кавычках» и сопровождающему его контролю приходит вместе с буржуазией, колонизирующей народные кварталы. Покидая самые центральные районы, она ищет тут «бурление местной жизни», которую она никогда не обнаружит среди домов, построенных компанией «Феникс»²⁷. Исторгая бедных, машины и иммигрантов, обустривая *чистенькое* местечко, изгоняя микробы, она разрушает то самое, что ее сюда притянуло. На муниципальном плакате дворник пожимает руку стражу порядка, и надпись: «Монтобан – чистый город».

Корректность, обязывающая урбанистов говорить уже не о «Городе», который они разрушили, а об «урбанном», должна бы побудить их перестать говорить и о «деревне», которой больше нет. На ее месте остался пейзаж, выставляемый напоказ стрессированным и потерявшим корни толпам, и прошлое, которое теперь, когда крестьяне были почти уничтожены, стало так удобно инсценировать. Это маркетинг, разворачиваемый на «территории», где всему должна быть придана ценность, где все должно составить наследие. И всюду, вплоть до самых затерянных церквушек, воцарился отныне один и тот же ледяной вакуум.

Метрополия – это одновременная смерть города и деревни, на перекрестке, куда стекаются все средние классы, в среде этого класса середины, который все растет и ширится, совершив сначала исход из деревни, а затем начав двигаться в пригороды. В оглянцовке мировой

²⁷ «Дома Феникс» (Maisons Phénix) – крупнейшая во Франции компания, строящая на заказ индивидуальные дома и предлагающая самые умеренные цены на рынке.

территории кроется цинизм современной архитектуры. Лицей, больница, медиатека – все это вариации на одну и ту же тему: прозрачности, нейтральности, однородности. Здания, массивные и без особых качеств, спроектированные без необходимости знать, кто их будет населять, и которые *могли бы быть* здесь, а могли бы – в любом другом месте. Что делать со всеми этими небоскребами кварталов Дефанс, Пар Дье, Евролиль? Одно выражение «новый с иголочки» резюмирует все их предназначение. После того, как повстанцы сожгли Мэрию Парижа в мае 1871 года, один шотландский путешественник свидетельствовал о необычайном великолепии горящей власти: «(...) Мне даже и не снилась подобная красота. Это бесподобно. Люди Коммуны – ужасные негодяи, я с этим не спорю. Но зато какие творцы! И они даже не поняли, какое произведение искусства создали своими руками! (...) Я видал руины Амальфи, залитые лазурными волнами Средиземноморья, руины храмов Тунг-хора в Пенджабе. Видал и Рим, и еще много что. Но ничто не сравнится с тем, что открылось в тот вечер моему взору».

Конечно, посреди этих сетей метрополии остаются некоторые фрагменты города и остатки деревни. Но штаб-квартира всего живого теперь находится в заброшенных местах. Парадоксально, но самые, на первый взгляд, нежилые места оказываются единственными, где еще действительно как-то живут. Старый засквотированный дом всегда будет казаться более населенным, чем все эти роскошные апартаменты, где только и остается, что поставить свою мебель и заняться усовершенствованием декора в ожидании очередного переезда. Во многих мегаполисах трущобы – последние живые и пригодные для жизни места и одновременно самые опасные, что неудивительно. Они составляют изнанку электронного декора мировой метрополии. Спальные районы северных пригородов Парижа, покинутые мелкой буржуазией, ринувшейся на охоту за малоэтажными домами, и вернувшиеся к жизни благодаря массовой безработице, отныне сияют поярче какого-нибудь Латинского квартала. Как словом, так и огнем.

Большой пожар ноября 2005 года был вызван не крайней обездоленностью, как нам об этом непрерывно твердили, а напротив, совершенным владением территорией. Можно пожечь машины от скуки, но вот целый месяц распространять бунт вширь и систематически побеждать полицию – для этого нужно уметь организовываться, иметь сообщников, досконально знать территорию, разделять язык и ненависть к общему врагу. Километры и недели не смогли остановить распространение огня. К первым очагам добавились

другие, причем там, где их менее всего ожидали. Слухи невозможно поставить на прослушивание.

Метрополия – это поле непрекращающегося конфликта низкой интенсивности, точками кульминации которого становятся такие события, как взятие Бассоры²⁸, Могадишо²⁹ или Наплуза³⁰. Для военных город долгое время был объектом осады и местом, которого следует избегать. Метрополия же абсолютно совместима с войной. Вооруженный конфликт – лишь один из этапов ее постоянной реконфигурации. Бои, ведомые крупными державами, похожи на постоянно возобновляемую полицейскую деятельность в черных дырах метрополии – «будь то в Буркина Фасо, Южном Бронксе, Камагасаки, Чьяпасе или Курнев³¹». «Операции» рассчитаны не столько на победу и даже не столько на восстановление мира и порядка, сколько на продолжение работы по непрерывной секуляризации. Войну уже невозможно изолировать во времени, она распадается на мириаду военных и полицейских микроопераций по обеспечению безопасности.

Полиция и армия одновременно и постепенно адаптируются. Криминолог просит спецназовцев организоваться в мелкие, мобильные профессиональные команды. Военная институция, кузница дисциплинарных методов, подвергает критике собственную иерархическую организацию. Офицер НАТО применяет к своему батальону гренадеров «участвующий метод, привлекающий всех и каждого к анализу, подготовке, исполнению и оценке результатов акции. План многократно обсуждается в течение нескольких дней, по ходу учений и в соответствии с последними полученными сведениями (...) Нет лучшего средства для повышения мотивации и согласованности, чем совместная выработка плана».

Вооруженные силы не только адаптируются к метрополии, но и перекраивают ее. Так, со времен боя при Наплузе израильские солдаты стали настоящими дизайнерами. Вынужденные, из-за палестинской герильи, покинуть улицы, ставшие слишком опасными, они учатся передвигаться горизонтально и вертикально по городским сооружениям, разрушая потолки и стены и проходя через них. Офицер израильских сил обороны, закончивший философский факультет, объясняет: «Враг интерпретирует пространство в обычной, традиционной манере, а я отказываюсь следовать этой интерпретации и

²⁸ Крупный город на юго-востоке Ирака.

²⁹ Столица Сомали, на побережье Индийского океана.

³⁰ Город в Израиле.

³¹ Курнев – один из «проблемных» мультиэтнических пригородов Парижа.

попадать в его ловушки (...) Я хочу действовать неожиданно! В этом суть войны. Я должен победить (...) Я нашел метод, как проходить через стены... Как червь, продвигающийся по пустотам, которые он выгрызает, съедая все, что попадается по пути». Урбанистическое пространство – это не только театр столкновений, но и их средство. Вспоминаются советы Бланки³², на этот раз, повстанческой стороне: будущим бунтовщикам Парижа он рекомендовал для защиты своих позиций проникать в дома на забаррикадированных ими улицах, пробивать разделяющие их стены, чтобы они сообщались, ломать лестницы на уровне первых этажей и дырявить потолки для защиты от возможных атак, снимать с петель двери и баррикадировать ими окна, каждый этаж превращать в огневую точку.

Метрополия – не только урбанизированное скопление, последняя степень смешения между городом и деревней, это еще и поток существ и вещей. Это электрический ток, проходящий через целую сеть спутников, оптических волокон, скоростных железных дорог. Ток, который вращает этот мир и не дает ему остановиться на пути к своей гибели. Ток, который стремится все затянуть в свой безнадежный бег, который *мобилизует* всех и вся, со всех сторон атакует нас враждебными силами информации, ток, который только и позволяет, что бежать. Где даже ожидание очередного поезда метро становится трудным.

Распространение средств передвижения и коммуникации непрерывно вырывает нас из нашего «здесь и сейчас» через соблазн быть в другом месте. Сесть на скоростной поезд, в пригородную электричку, взять телефон – чтобы сразу оказаться *там*. Эта мобильность предполагает лишь выдергивание, изоляцию, изгнание. Для любого человека такая мобильность была бы невыносима, если бы она не оставалась всегда мобильностью *приватного пространства*, портативного внутреннего мирка. Приватный пузырь никогда не лопаётся, он лишь перемещается. Это не выход из коконов самоизоляции, а лишь их приведение в движение. Повсюду – на вокзалах, в торговых центрах, в банках, в отелях, - эта чуждость банальна и до боли знакома. Изобилие метрополии состоит в случайном смешении разных сред, способных вступать между собой в бесконечное множество комбинаций. Центры городов раскрываются здесь не как целостные идентичности, а как оригинальные ассортименты атмосфер, обстановок, через которые мы

³² Огюст Бланки (1805-1881) – французский революционер, социалист-республиканец. Боролся, в том числе, за всеобщее голосование, гендерное равенство, запрет на работу малолетних и пр. Около 37 лет жизни провел в тюрьмах.

двигаемся, выбирая одну и отвергая другую в процессе некоего экзистенциального шоппинга, где мы подбираем себе стили баров, людей, дизайн, или составляем *playlist* нашего Айпода. «С mp3-плеером я – хозяин своего мира». Чтобы выжить посреди окружающего однообразия, единственное, что остается – бесконечно воспроизводить свой внутренний мир, подобно тому, как ребенок везде выстраивает себе один и тот же домик. Прямо как Робинзон, воссоздавший свой мирок лавочника на необитаемом острове, с той только разницей, что наш необитаемый остров - это сама цивилизация, и что нас таких миллиарды, бесконечно прибывающих на этот остров.

Именно из-за того, что метрополия представляет собой такую вот архитектуру потоков, это одна из самых хрупких конструкций, когда-либо созданных человечеством. Подвижная, сложная, но хрупкая. Резкое закрытие границ по причине какой-нибудь ужасной эпидемии, перебои в снабжении предметами первой необходимости, организованное перекрытие путей сообщения, - и вот уже рассыпается весь декор, обнажая хищнические сцены, которыми он грозит обернуться в любой момент. Этот мир не вращался бы так быстро, если бы его не преследовала постоянная близость крушения.

Его сетевая структура, технологическая инфраструктура узлов и связей между ними, его децентрализованная архитектура предназначены к тому, чтобы спасти метрополию от неизбежных сбоев. Интернет должен устоять перед ядерной агрессией. Перманентный контроль потоков информации, людей и товаров должен обезопасить мобильность метрополии, обеспечивать прослеживаемость, гарантировать, что на товарных складах никогда не будет недостачи ни в одном контейнере, что никогда в торговле невозможно будет использовать краденые банкноты, а в самолет никогда не проникнет террорист. Все это - благодаря чипу радиочастотной идентификации (*Radio Frequency Identification*), биометрическому паспорту и базам данных ДНК.

Но метрополия производит и средства к собственному уничтожению. Американский эксперт по безопасности объясняет поражение в Ираке способностью герильи пользоваться новыми средствами коммуникации. Вторжение США способствовало не столько внедрению демократии, сколько импорту кибернетических сетей. Они сами привезли с собой одно из орудий своего поражения. Распространение мобильных телефонов и точек доступа в Интернет предоставило герилье небывалые средства для организации и самозащиты.

У каждой сети свои слабые места, свои узлы, которые нужно разрубить, чтобы циркуляция остановилась, чтобы полотно порвалось. Это продемонстрировала последняя серьезная поломка европейских электрических сетей: достаточно было одного происшествия на одной линии высоковольтных передач, чтобы весь континент погрузился во тьму. Первый шаг к тому, чтобы какая-то жизнь смогла появиться в пустыне метрополии, состоит в остановке этого *perpetuum mobile*. И тайские бунтовщики, взрывающие электрические реле, хорошо это поняли. Это поняли и протестующие против «Контракта первого найма»³³, заблокировавшие университеты, чтобы потом постараться заблокировать и экономику. Это поняли и американские докеры, забастовавшие в октябре 2002 года против уничтожения трехсот рабочих мест и десять дней блокировавшие крупнейшие порты Западного побережья. Американская экономика настолько зависит от постоянных потоков «точно в срок» из Азии, что убытки от блокирования доходили до миллиарда евро в день. При десяти тысячах уже можно подорвать самую великую экономическую державу в мире. По мнению некоторых «экспертов», если бы забастовочное движение продержалось еще месяц, мы бы стали свидетелями «возвращения экономического спада в США и экономического кошмара в Юго-Восточной Азии».

КРУГ ПЯТЫЙ.

«МЕНЬШЕ ТОВАРОВ, БОЛЬШЕ СОЛИДАРНОСТИ!»

После тридцати лет массовой безработицы, «кризиса», торможения экономического роста нас до сих пор хотят заставить верить в экономику. Хотя, конечно, за эти тридцать лет было несколько передышек: иллюзия 1981-1983 годов, когда мы поверили, что левое правительство принесет народу счастье; иллюзия «Эры Бабла» (1986-

³³ Контракт первого найма (Contrat «première embauche») – тип бессрочного трудового контракта, предназначенный людям младше 26 лет с целью их лучшей интеграции на рынке труда, фигурирующий во французском законе «За равенство шансов». В нем предусмотрен двухгодичный «испытательный срок», в течение которого работодатель может уволить сотрудника без объяснения причин. Если за это время сотрудник разрывает контракт, то он считается уволенным по собственному желанию и не имеет права на пособие по безработице. Считалось, что такая мера будет стимулировать найм молодежи работодателями. Закон опубликован в апреле 2006 года, но под давлением мощного протестного движения, усмотревшего в нем еще один шаг неолиберальной политики рынка труда, мера «Контракт первого найма» была отменена.

1989), когда мы все должны были разбогатеть, податься в бизнес и заиграть на бирже; Интернет-антракт (1998-2001), когда считалось, что все смогут найти виртуальную работу благодаря постоянному сидению онлайн, и когда цветная, мультикультурная, но единая Франция собиралась победить все кубки мира. Что ж, сегодня наш запас иллюзий исчерпан, мы коснулись дна, мы банкроты, если не должники. Зато вот что мы поняли: экономика не в кризисе, экономика – *это и есть* кризис. Дело не в том, что работы не хватает, как раз наоборот, работа – это *излишество*. Если задуматься по-настоящему, то не кризис, а экономический рост вгоняет нас в депрессию. По правде говоря, ежедневные литании биржевого курса оставляют нас столь же безучастными, как месса на латыни. И, слава богу, нас таких уже немало – тех, кто пришел к подобным выводам. Не говоря уже обо всем том народе, который пробавляется различными мелкими махинациями и приторговыванием, который уже десять лет живет на пособие по безработице. Обо всех тех, у кого не получается идентифицировать себя с работой и кто живет своими увлечениями. Обо всех задвинутых в ящик, обо всех прячущихся по углам, обо всех, кто работает как можно меньше и кого среди нас становится все больше. Обо всех, кто затронут этой странной тенденцией *массового самоустранения*, которую еще больше акцентирует пример пенсионеров и циничная сверхэксплуатация подвижной рабочей силы.

Мы не говорим о них, хотя они по идее должны, так или иначе, прийти к похожим выводам. Мы говорим обо всех этих странах и целых континентах, которые потеряли веру в экономику, лицезрев крушения Боингов МВФ и отпробовав почем фунт лиха во Всемирном банке. Вот там-то не обнаружим ничего общего с вялотекущим закатом трудовых призваний на Западе. В Гвинее, России, Аргентине, Боливии происходит всеобщее и жестокое разочарование в этой религии и в ее пастырях. «Что такое тысяча экономистов МВФ, идущих ко дну? – Хорошее начало», – шутят во Всемирном банке. Русский анекдот: «Встречаются два экономиста. Один другого спрашивает: «Ты понимаешь, что происходит?» Тот отвечает: «Подожди, сейчас я тебе все объясню». Первый: «Нет-нет, объяснить-то каждый дурак может, я сам экономист. А я вот тебя спрашиваю: ты сам понимаешь?» Само духовенство уже впадает в ересь и критикует догму. Последнее маломальски живое течение так называемой «экономической науки» на полном серьезе называет себя «неаутистской экономикой». Оно занимается отныне разоблачением узурпаций, коварных уловок, поддельных научных показателей, единственная осязаемая роль

которых – потрясать монстранцем в ритм разглагольствований господствующих, хоть как-то церемониально обставлять их призывы к послушанию и *предоставлять объяснения*, как это и полагалось всегда делать религиям. Ведь всеобщее бедствие становится невыносимым, как только предстает в своем истинном виде: без причин и без оснований.

Деньги всюду теряют уважение: и среди тех, у кого они есть, и среди тех, кому их не хватает. Двадцать процентов молодых немцев на вопрос о том, чем они хотят заняться в жизни, отвечают: «стать художником». Работу уже не воспринимают как данность человеческого существования. Бухгалтерские отделы предприятий признают, что не знают, где на самом деле рождается ценность. У рынка уже лет десять была бы плохая репутация, если бы не чрезвычайное рвение и сила его апологетов. Повсеместно элементарный здравый смысл говорит нам о том, что прогресс превратился в кошмар. В мире экономики повсюду прорехи, почище, чем в СССР эпохи Андропова. Всякий, кто обладает маломальскими знаниями о последних годах жизни Советского союза, без труда расслышит во всех этих призывах к волонтаризму со стороны наших правителей, во всех этих вдохновенных эскападах про будущее, нить которого мы потеряли, во всех этих изложениях принципов «реформ» всего подряд первые потрескивания в структуре Стены. Крушение социалистического блока означало не триумф капитализма, а всего лишь падение одной из его форм. Впрочем, развал СССР был делом рук не восставшего народа, а быстро конвертирующейся номенклатуры. Объявив о конце социализма, фракция правящего класса, прежде всего, избавилась от застарелых обязательств, которыми она была связана со своим народом. Отныне она взяла под частный контроль то, что контролировала и прежде от имени всех. «Они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем», – говорил народ на заводах. «Ну если дело только за этим, так давайте, наконец, прекратим делать вид», – ответила олигархия. Одним достались природные ресурсы, промышленные инфраструктуры, военно-промышленный комплекс, банки, ночные клубы, другим – обнищание или изгнание. Точно так же, как при Андропове уже никто всерьез не верил в СССР, сегодня у нас в залах заседаний, в офисах и цехах никто уже не верит во Францию. «За этим дело не станет!», – отвечают боссы и правители, которые уже даже не пытаются смягчить «суровые законы экономики» и делокализуют завод за одну ночь, чтобы наутро объявить работникам о его закрытии, и не моргнув глазом бросают отряды «Группы оперативного действия национальной жандармерии» на подавление забастовок – как это было в случае со стачкой в «Государственной

компании морских путей сообщения» (SNCF) или в сортировочном центре в Ренне. Все убийственные действия власти состоят в том, чтобы, с одной стороны, управлять этим разрушением, а с другой стороны, заложить основы «новой экономики».

А ведь нас издавна затачивали под экономику. В течение многих и многих поколений нас дисциплинировали, усмиряли, делали из нас естественных субъектов-производителей, с удовольствием предающихся потреблению. И вот перед глазами предстает та простая правда, которую нас так долго учили забывать: что *экономика – это политика*. И что сегодня данная политика занимается беспощадной селекцией среди всей этой массы человечества, ставшей излишней. От Кольбера до Де Голя, не говоря уже о Наполеоне III, государство всегда рассматривало экономику как политику, не менее, чем буржуазия, получающая от нее барыши, и не менее, чем противостоящие ей пролетарии. И лишь эта странная промежуточная прослойка населения, это курьезное импотентное сборище *тех, кто не принимает ничью сторону*, мелкая буржуазия, всегда делала вид, что верит в экономику как в отдельную реальность – поскольку это позволяло ей сохранять нейтралитет. Мелкие торговцы, мелкие начальники, мелкие служащие, кадры, преподаватели, журналисты, занятые в сфере услуг и образования, составляют во Франции этот не-класс, этот социальный желатин из тех, кто хочет лишь одного: тихо и спокойно прожить свою маленькую частную жизнь подальше от Истории и ее потрясений. По своим жизненным установкам это болото – настоящий чемпион по ложному сознанию, готовый на все, чтобы в своем полусне по-прежнему закрывать глаза на войну, которая уничтожает все вокруг.

Каждое временное затишье на фронте боевых действий отмечено во Франции изобретением новой блажи. В последние десять лет таковой являлся АТТАС с его фантастическим налогом Тобина³⁴, для учреждения которого всего-то и требуется, что создать мировое правительство, и с его трогательной ностальгией по государству и апологией «реальной экономики» в противовес финансовым рынкам. Долго ли коротко ли, эта комедия подошла к концу и выродилась в пошлый маскарад. На смену одной блажи приходит другая, и вот мы уже имеем дело с идеей «экономического сокращения» (*décroissance*).

³⁴ АТТАС (аббревиатура от фр. L'Association pour la taxation des transactions financières et pour l'aide aux citoyens, букв. Ассоциация за налогообложение финансовых операций и за помощь гражданам) – альтерглобалистская ассоциация, созданная во Франции в 1998 году и существующая сейчас в 36 странах. Во Франции АТТАС получила статус ассоциации «народного образования», что позволяет ей получать государственную финансовую помощь.

Если АТТАС со своими уроками народного ликбеза пытался спасти экономику *как науку*, то «экономическое сокращение» пытается спасти ее *как мораль*. Вот она, единственная альтернатива надвигающемуся апокалипсису – повернуть вспять экономический рост. Меньше потреблять и меньше производить. Всем стать возвышенно умеренными. Кушать био-продукты, передвигаться на велосипеде, бросить курить и тщательно выбирать покупаемые товары. Довольствоваться лишь самым необходимым. Добровольно опроститься. «Заново открыть забытые сокровища дружеских человеческих отношений в оздоровленном мире». «Не расходовать природный капитал». Взять курс на «здоровую экономику». «Избегать регулирования хаосом». «Перестать порождать социальный кризис, попирающий демократию и гуманизм». Одним словом, всем *стать экономами*. Вернуться к экономике наших отцов, к золотому веку мелкой буржуазии, к 1950-м годам. «Когда индивид становится хорошим экономом, его собственность служит ему идеальную службу, то есть позволяет наслаждаться собственной жизнью вдали от общественной суеты, в своем уютном частном загоне».

Дизайнер в свитере ручной работы пьет фруктовый коктейль в компании друзей на террасе этнического кафе. Красноречивые, сердечные разговоры, ни слишком громкие, ни слишком тихие, в меру шуточные. Обмен блаженными улыбками и взглядами, кайф от собственной цивилизованности. Из кафе одни направятся обрабатывать землю в муниципальном саду, другие – лепить глиняную посуду, третьи – создавать мультфильм или участвовать в собрании дзен-кружка. Единение избранных, справедливое чувство того, что они и есть новое человечество, более мудрое и утонченное, последнее из последних. И они правы. *Apple* и «экономический спад» удивительным образом совпадают в своих воззрениях на будущую цивилизацию. Идея одних о возвращении к экономике прежних времен нагоняет тот самый туман, за которым так удобно прятаться победно шествующей идее других о качественном технологическом скачке. Ибо История не знает возвратов. Призыв вернуться в прошлое лишь отражает одну из форм современного сознания и, как правило, не самую отсталую. Неслучайно «экономическое сокращение» было поднято на знамена диссидентскими рекламистами журнала «Разрушители рекламы» (*Casseurs de pub*). Да и сами изобретатели нулевого экономического роста – Римский клуб в 1972 году, – это группа промышленников и чиновников, взявших за основу отчет кибернетиков Массачусетского Технологического Института.

Это сближение неслучайно. Оно вписывается в отчаянные поиски путей спасения экономики. Капитализм ради своей выгоды разрушил без остатка все социальные связи, и теперь он пытается заново построить их *на своих собственных основаниях*. Общественная жизнь современных метрополий служит ему лабораторией. Точно так же капитализм разрушил естественные экосистемы и теперь носится с безумной идеей реконструировать их как контролируемые фрагменты окружающей среды, снабженные нужными датчиками. Этому новому человечеству соответствует новая экономика, которая хочет быть уже не отдельной сферой существования, но самой его тканью, самой материей человеческих отношений. Работа получает новое определение – как работа над собой, а Капитал становится «человеческим капиталом». Появляется новая идея производства как производства *реляционных благ*³⁵ и потребления – как потребления ситуаций; а главное – новая идея ценности, которая призвана объединить в себе всю совокупность качеств человеческих индивидов. Эта нарождающаяся биоэкономика рассматривает планету как закрытую управляемую систему и стремится заложить основы науки, которая включала бы все параметры жизни. Подобная наука еще заставит нас пожалеть о старых добрых временах ошибочных показателей, когда пытались измерять счастье народа ростом ВВП, но когда, по крайней мере, никто в это не верил.

«Придавать большее значение неэкономическим аспектам жизни» – таков лозунг «экономического сокращения» и, вместе с тем, программа реформы Капитала. Экопоселения, камеры видеонаблюдения, духовность, биотехнологии и общительность принадлежат к одной и той же нарождающейся «цивилизационной парадигме» – парадигме тотальной экономики, вырастающей из низов. Ее интеллектуальная база – не что иное, как кибернетика, наука о системах, то есть *о контроле систем*. Чтобы окончательно и повсеместно навязать экономику, ее этику труда и скупости, на протяжении всего XVII века пришлось изолировать и искоренять всю эту фауну бездельников, нищенствующих, колдуний, юродивых, жуиров и прочих неприкаянных бедняков, все это человечество, которое своим существованием бросало вызов порядку, основанному на корысти и умеренности. Новая экономика не сможет воцариться без такого же отбора субъектов и зон, способных к мутации. Давно предвещаемый хаос станет поводом для

³⁵ То есть благ, касающихся отношений между людьми.

подобного отбора или же нашей победой над этим отвратительным проектом.

КРУГ ШЕСТОЙ.

«ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА – НОВЫЙ ВЫЗОВ МИРОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ»

Экология – вот открытие года. Предыдущие тридцать лет мы оставляли экологию зеленым, звучно смеялись над ней по воскресеньям и принимали озабоченный ею вид в понедельник. И вот она нас настигла. Она на всех волнах, подобно летнему хиту, потому что на дворе декабрь, а температура воздуха – плюс двадцать. Океаны лишились одной четвертой видов рыбы. Оставшимся видам тоже осталось недолго. Тревога, птичий грипп! И вот нам обещают отстреливать перелетных птиц сотнями тысяч. Содержание ртути в материнском молоке в десять раз превышает допустимую норму ее содержания в коровьем. Кусаю яблоко, и губы разбухают – а ведь оно было куплено на рынке. Самые простые движения могут отравить. В тридцать пять лет наступает смерть от «долгой болезни», которой распоряжаются так же, как и всем остальным. Нужно было подумать о последствиях раньше, до того, как эта болезнь привела нас сюда, в корпус «Б» Центра паллиативного лечения.

Признаемся себе: нас не трогает вся эта «катастрофа», о которой нам теперь так громко вещают. По крайней мере, до тех пор, пока она не настигнет нас в виде одного из своих ожидаемых последствий. Безусловно, она касается нас, но *не трогает*. И в этом как раз и состоит вся тяжесть катастрофы.

Нет «катастрофы окружающей среды», сама *окружающая среда и есть катастрофа*. Окружающая среда – это то, что остается человеку, когда он все потерял. У тех, кто живет в квартале, в долине, в мастерской, нет «окружающей среды», они живут в *мире*, полном присутствий, опасностей, друзей, врагов, очагов жизни и смерти и всякого рода существ. У этого мира есть своя устойчивость, более или менее ощутимая, в зависимости от интенсивности и качества связей, которыми они объединены со всеми этими существами и местами.

Это только у нас *есть окружающая среда* – у детей последней степени лишения, у изгнанников апокалипсиса, рождающихся на свет в бетонных коробках, собирающих фрукты в супермаркетах и ловящих

эхо большого мира из телевизора. Мы сами стали свидетелями своего уничтожения, как будто речь идет о простом изменении атмосферы, мы негодуем по поводу последних подступов катастрофы и терпеливо составляем ее сводки. В выражении «окружающая среда» зафиксировано отношение к миру, основанное на *управлении*, то есть на дистанции, чуждости. Отношение к миру, из которого мы исключили шорох деревьев, запахи жареного, доносящиеся из окрестных домов, журчание воды, гул школьного двора, влажность летних вечеров. Отношение к миру, в котором есть место лишь для меня и среды, которая, окружая меня, не является моей частью. Мы – словно бы соседи на планетарном заседании товарищества собственников. Трудно вообразить себе более адскую картину.

Ни одна материальная среда не заслуживает называться «окружающей средой», кроме, разве что, современных метрополий. Цифровой голос объявлений из громкоговорителя, свист трамваев XXI века, синеватые огни уличных фонарей в форме гигантской спички, пешеходы, заgrimированные под неудавшихся манекенов, тихое вращение камеры видеонаблюдения, хрустальное позвякивание турникетов метро, касс супермаркетов, офисных пропускных систем, электронная атмосфера интернет-кафе, оргия жидкокристаллических экранов, бегущих дорожек и латекса. Никогда еще городское пространство столь прекрасно не обходилось без живых существ, его пересекающих. Никогда еще среда не была столь *автоматизированной*. Никогда еще контекст не был столь индифферентен и не требовал, в свою очередь, столь же полного безразличия от тех, кто хочет в нем выжить. По большому счету, к этому и сводится *окружающая среда*: это отношение к миру, присущее метрополии, которое она распространяет и на все, что выходит за ее рамки.

Ситуация такова: наших отцов использовали для разрушения этого мира, а нас теперь хотят заставить работать на его восстановление, причем так, чтобы, для полного счастья, это восстановление было еще и рентабельным. За болезненным возбуждением, которое овладевает отныне журналистами и рекламистами при каждом новом доказательстве глобального потепления, прячется железный оскал нового зеленого капитализма, того, который заявлял о себе уже с 1970-х годов, которого так ждали на сломе веков, но который так и не пришел. И вот, наконец, он объявился! Экология – это он! Альтернативные решения – это тоже он! Спасение планеты – это тоже он! Не остается никаких сомнений: дух времени окрашен в зеленый цвет. Окружающая среда станет движущей силой политэкономии XXI века. Каждая новая

вспышка катастрофизма сопровождается отныне целой вереницей «промышленных решений». Изобретатель водородной бомбы Эдвард Теллер предлагает распылить миллионы тонн металлической пыли в стратосферу, чтобы остановить глобальное потепление. Агентство NASA³⁶, крайне удрученное тем, что его мега идея противоракетного щита пришлось отправить в музей фантазмагорий холодной войны, обещает установить на лунной орбите гигантское зеркало, чтобы защитить нас от отныне пагубных солнечных лучей. Еще одно футуристическое видение: моторизованное человечество, едущее на биоэтаноле от Сан-Паоло до Стокгольма; мечта босеронского производителя зерна, ради которой, в конечном счете, всего-то и потребуется, что превратить все пахотные земли планеты в соевые и свекольные поля. Дружественные к окружающей среде машины, чистая энергия, экологический консалтинг мирно сосуществуют с последней рекламой «Шанель» на глянцевых страницах иллюстрированных журналов.

Дело в том, что, как нам говорят, экология обладает одним несравненным преимуществом: это первая *глобальная проблема*, вставшая перед человечеством. Глобальная проблема – то есть та, решение которой способны найти только те, кто организован глобально. А уж этих мы знаем хорошо. Это группы, которые вот уже столетие находятся в авангарде бедствия и рассчитывают там оставаться минимальной ценой изменения логотипа. Тот факт, что компания EDF³⁷ имела наглость представить нам свою ядерную программу как *новое решение* мирового энергетического кризиса, хорошо демонстрирует, насколько новые решения похожи на старые проблемы.

От кабинетов госсекретарей до задних дворов альтернативных кафе беспокойство теперь выражается одними и теми же словами, причем, до боли знакомыми. Требуется немедленная всеобщая мобилизация! Не для восстановления, как это было после войны, не для Эфиопии, как это было в 1980-е годы, не во имя занятости, как это было в 1990-е. На этот раз, надо мобилизоваться во имя окружающей среды. Что же, она передает вам большое спасибо. Альберт Гор³⁸, Уло со своей эко-

³⁶ NASA (англ. *National Aeronautics and Space Administration*) - Национальное управление США по авиации и исследованию космического пространства.

³⁷ EDF – фр. *Electricité de France*, основной поставщик электроэнергии во Франции, полугосударственное-получастное предприятие.

³⁸ Американский политик, сенатор и вице-президент при Билле Клинтоне (1993-2001), Альберт Гор известен еще и тем, что награжден Нобелевской премией мира, совместно с Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК), за деятельность по

программой³⁹ и активисты «экономического сокращения» (*décroissance*) пополняют ряды великих деятелей Республики, чтоб внести оживление в поредевшие отряды левых и реанимировать неизбывный идеализм молодежи. Подняв на знамя добровольную бережливость, они самоотверженно готовят нас к «грядущему чрезвычайному экологическому положению». Круглая липкая масса их чувства вины тяжело плюхается на наши усталые плечи, заставляя нас обрабатывать наш садик, сортировать отходы и превращать в био-компост объедки мрачного пира, которым мы были вскормлены.

Обеспечивать достойный выход из ядерной эры, контролировать излишки CO₂ в атмосфере, таяние льдов, ураганы, эпидемии, мировое перенаселение, эрозию почв, массовое исчезновение видов животных... из всего этого должно слагаться наше бремя. «Каждому надлежит изменить свое поведение», – говорят они, – «если мы хотим спасти нашу прекрасную модель цивилизации». Нужно потреблять меньше, *чтобы продолжать потреблять*. Нужно производить био-продукты, *чтобы продолжать производить*. Нужно ограничивать себя, *чтобы продолжать ограничивать других*. Вот так нас хотят втянуть в великие промышленные битвы наступающего века. Глупые мы глупые! С какой рабской готовностью собираемся мы прыгнуть в объятия к тем, кто так долго возглавлял планетарное разграбление, лишь бы только они вызволили нас отсюда!

Экология – это не только логика тотальной экономики, это еще и новая мораль Капитала. Состояние внутреннего кризиса и жесткость нынешнего отбора таковы, что нужно срочно найти новый критерий селекции. Во все времена идея добродетели была и остается порождением греха. Без экологии невозможно было бы оправдать современное существование двух отдельных сфер продуктов питания: одной «здоровой и биологической» для богачей и их детей, и другой –

изучению и распространению информации об антропогенных причинах изменения климата, а также за выработку возможных мер борьбы с такими изменениями.

³⁹ Имеется в виду французский журналист, эколог и политический деятель Николя Уло (Nicolas Hulot), ведущий влиятельной передачи об экологии *Ushuaïa Nature*, переросшей в 1995 году в Фонд Николя Уло за природу и человека (Fondation Nicolas Hulot pour la nature et l'homme). Уло выдвинул свою кандидатуру в президенты в 2007 году, с тем чтобы экологические вопросы заняли важное место в предвыборной кампании, но снял ее, после того как кандидаты ведущих партий подписали составленный им экологический пакт (известный как Пакт Уло). Слева Уло критикуют за сотрудничество с такими гигантами-загрязнителями, как Лореаль и EDF, за то, что после подписания его Пакта тема экологии пропала из предвыборной кампании, так как она считалась уже отработанной, а также за отсутствие какой-либо рефлексии на тему пагубной роли глобального капитализма в загрязнении планеты.

заведомо токсичной, для плебса и его отпрысков, обреченных страдать избыточным весом. Планетарная гипер-буржуазия не смогла бы убедить окружающий мир в респектабельности своего образа жизни, если бы ее последние прихоти не демонстрировали ревностное «уважение к окружающей среде». Без экологии ничто не обладало бы достаточным авторитетом, чтобы унять протесты против чрезмерно прогрессирующего контроля.

Прослеживаемость, прозрачность, сертификация, эко-налоги, экологическое совершенство, водная полиция – за всем этим уже угадывается грядущее исключительное положение экологии. Власть, которая черпает авторитет из Природы, из здоровья и благополучия, обретает вседозволенность. «Как только новая экономическая и поведенческая культура внедрится в нравы людей, ограничительные меры, *скорее всего*, отпадут сами собой». Требуется весь нелепый апломб авантюриста со съемочной площадки, чтобы отстаивать столь леденящую перспективу, чтобы одновременно призывать нас «болеть за планету», мобилизоваться, и – оставаться достаточно бесчувственными, чтобы присутствовать при всем этом с надлежащей сдержанностью и цивилизностью. Новый аскетизм в стиле «био» – это самоконтроль, требуемый от всех и каждого во имя успеха операции по спасению из того самого тупика, в который система сама себя загнала. Если раньше от нас требовали потуже затянуть ремни во имя экономики, теперь требуют того же во имя экологии. Конечно, дороги смогут однажды превратиться в велосипедные дорожки, и, возможно даже, нам в наших широтах воздастся однажды минимальный гарантированный доход, но только ценой полностью стерилизованного существования. Те, кто утверждает, будто всеобщий самоконтроль спасет нас от необходимости диктатуры во имя окружающей среды, врут: первый станет основой для второй, и оба будут давить на нас. До тех пор, пока есть Человек, с одной стороны, и Окружающая среда, с другой, между ними всегда будет стоять полиция.

В экологистских дискурсах все следует поставить обратно с головы на ноги. Там, где они говорят о «катастрофах», имея в виду нарушения и недостатки в современном режиме управления существами и вещами, мы, напротив, видим катастрофу как раз в совершенстве его функционирования. В 1876-1879 годы самая большая на тот момент волна голода, прокатившаяся по тропикам, совпадает с засухой, но прежде всего – с апогеем колонизации. Разрушение крестьянских общин, резкое прекращение выращивания продовольственных культур лишили местное население каких-либо средств борьбы с недоеданием. И не

столько недостатков воды, сколько ужасающие последствия колониальной экономики в фазе ее интенсивного развития привели к тому, что тропики покрылись миллионами истощенных трупов. То, что повсюду выдает себя за экологическую катастрофу, на самом деле, всегда было и остается, прежде всего, проявлением губительного отношения к миру. Мы – жители вакуума, мы уязвимы перед малейшими сбоями в системе, перед первыми же климатическими происшествиями. Пока при приближении последнего цунами туристы продолжали беззаботно резвиться в волнах, островные охотники-собиратели спешно покидали побережье вслед за птицами. Современный парадокс экологии состоит в том, что под предлогом спасения Земли, она спасает лишь основу и первопричину того, что превратило Землю в эту опустошенную планету.

В нормальные времена правильность функционирования мировой системы ввергает нас в поистине катастрофическое состояние обездоленности и беспомощности. То, что принято называть «катастрофой», есть лишь насильственное прекращение этого состояния, один из тех редких моментов, когда мы возвращаем себе хоть какое-то присутствие в мире. Так пусть запасы нефти истощатся раньше срока, пусть прекратятся международные потоки, поддерживающие бешеные ритмы метрополий, пусть мы зайдем как можно дальше в социальной дерегуляции и настанет поскорее «одичание населения», «планетарная угроза», «конец цивилизации»! Любая потеря контроля лучше, чем все сценарии по выходу из кризиса. И не у специалистов по устойчивому развитию следует отныне спрашивать совета. Именно в дисфункциях, в коротких замыканиях системы проступают логические элементы решения того, что скоро перестанет быть проблемой. Среди подписантов Киотского протокола единственные страны, которые в настоящее время невольно выполняют свои обязательства, это Украина и Румыния. Догадайтесь почему. Самые продвинутые на планете опыты в «биологическом» сельском хозяйстве имеют место на острове Куба с 1989 года. Догадайтесь почему. Только вдоль африканских дорог автомеханика превратилась в настоящее народное искусство. Догадайтесь как.

Почему мы так жаждем кризиса? Потому что благодаря ему окружающая среда перестает быть окружающей средой. Выход у нас только один – вспомнить ритмы реальности, восстановить контакт, пусть даже фатальный, с тем, что вокруг нас. То, что нас окружает – это не пейзаж, не панорама, не театр, а то, что дано нам для жизни, то, с чем мы должны считаться, то, у чего мы многому можем научиться. Мы не

дадим тем, кто вызвал «катастрофу», похитить у нас ее смысл. Там, где управленцы платонически рассуждают о том, как бы «повернуть в обратную сторону, не поломав телегу», мы видим лишь одно реалистичное решение: как можно скорее «поломать телегу», то есть извлекать отныне пользу из каждого сбоя системы, наращивая свою силу.

Новый Орлеан несколько дней спустя после урагана Катрина. В этой обстановке апокалипсиса жизнь потихоньку восстанавливается. Посреди полного бездействия властей, больше озабоченных расчисткой туристических кварталов «Французского квадрата» и охраной магазинов, чем помощью обездоленным жителям города, возрождаются забытые формы бытия. Несмотря на все силовые попытки заставить людей покинуть зону, несмотря на сезон «охоты на негра», открытый по этому случаю боевыми отрядами, многие не захотели сниматься с обжитых мест. Для всех, кто отказался быть депортированным в качестве «экологических беженцев» на все четыре стороны большой страны, для всех, кто решил к ним присоединиться из солидарности, приехав из самых разных уголков по призыву бывшего активиста Черных Пантер, – для всех них необходимость самоорганизации вновь обрела всю свою очевидность. Всего за несколько недель была построена и запущена Common Ground Clinic. С первых же дней эта настоящая деревенская больница лечит пациентов бесплатно и все лучше, благодаря непрерывному потоку добровольцев. Вот уже целый год эта больница стала форпостом повседневного сопротивления против операции тотальной зачистки, совершаемой бульдозерами правительства, которое планирует отдать эту часть города на растерзание подрядчикам. Народные кухни, продовольственное снабжение, уличная медицина, спонтанная мобилизация, постройка временного жилья: все практическое знание, накопленное разными людьми в течение жизни, нашло здесь пространство для применения. Вдали от униформ и воя сирен.

Тот, кто знал обездоленную радость людей, живущих в этих кварталах Нового Орлеана еще до катастрофы, кто помнит то недоверие к государству, что еще тогда царило там, и те массовые практики повседневного выживания, которые там бытовали, не удивится, что все это стало возможно после бедствия. Тот же, кто, напротив, живет анемичной и атомизированной повседневностью наших спальных кварталов-пустынь, усомнится, что на свете бывает столь отважная решительность и способность к самоорганизации. Однако вспомнить эти жесты и поступки, задавленные годами нормализованной жизни –

таков единственный способ не загнить заодно с этим загнивающим миром. Да наступит эпоха, которую мы сможем любить!

КРУГ СЕДЬМОЙ.

«МЫ ЗДЕСЬ СТРОИМ ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Первая мировая мясорубка 1914-1918 годов, позволившая разом избавиться от большей части пролетариата городов и деревень, велась во имя свободы, демократии и цивилизации. Казалось бы, во имя тех же самых ценностей ведутся вот уже пять лет спецоперации по точечным зачисткам, знаменитая «война против терроризма». Однако на этом сходство заканчивается. Цивилизация перестала быть той первичной очевидностью, экспортируемой аборигенам. Свобода уже не является тем словом, которое пишут на стенах, за ним теперь, словно тень, следует слово «безопасность». А демократия повсюду растворяется в ничем не прикрытых чрезвычайных законодательных мерах – например, в официальном восстановлении пыток в США или во французском законе Пербена II⁴⁰. Всего за один век свобода, демократия и цивилизация были превращены в гипотезы. Вся работа господствующих состоит отныне в обустройстве материальных и моральных, символических и социальных условий, в которых эти гипотезы более-менее подтверждаются, в конфигурации пространств, где они как бы функционируют. А для этого все средства хороши, в том числе, и наименее демократические, наименее цивилизованные, наиболее секуритарные. Неудивительно, что за это столетие демократия постоянно разрождалась фашистскими режимами, что цивилизация всегда рифмовалась, под вагнерианские мотивы или под музыку Iron Maiden, с уничтожением, и что свобода в 1929 году скалилась нам двойным ликом банкира, выбрасывающегося из окна, и семьи рабочего, умирающей с голоду. С тех пор – примерно с 1945 года - было уговорено, что манипуляция массами, деятельность секретных служб, ограничение общественных свобод и полный суверенитет разнообразных полиций – нормальные и законные способы обеспечения

⁴⁰ Закон Пербена II (полное название - «закон от 9 марта 2004 года о приспособлении юстиции к развитию преступности», назван так по имени министра юстиции правительства Раффарена, Доминика Пербена) – французский закон, призванный бороться с мелкой преступностью («делинквентностью») и организованным криминалитетом. Закон вводит такие невиданные понятия, как «стажировка в гражданственности», «презумпция вины», изменяет условия задержания и возможность его продления без предъявления обвинений и пр.

демократии, свободы и цивилизации. На последнем этапе этой эволюции появляется мэр-социалист Парижа, дающий финальную отмашку городскому замирению, полицейской зачистке народного квартала⁴¹. В объяснении своих действий он тщательно выцеживает фразу: «Мы строим здесь цивилизованное пространство».

Что тут можно сказать? Остается только разрушать.

Несмотря на свою кажущуюся глобальность, этот вопрос цивилизации – вовсе не философский вопрос. Цивилизация – это не абстракция, возносящаяся над жизнью. Она направляет, насыщает, колонизирует и самое обыденное, самое частное существование. Она объединяет и удерживает вместе самое интимное и самое глобальное измерения. Во Франции цивилизация неотделима от государства. Чем сильнее и старше государство, тем менее можно считать его надстройкой, внешним панцирем общества, и тем строже задает оно форму субъективностей, которые его населяют. Французское государство – кровь и плоть субъективности французов, результат секулярной кастрации его подданных. Стоит ли тогда удивляться, что многие шизофреники в психбольницах воображают себя политическими деятелями, что все дружно отводят душу, ругая наших руководителей, и винят их во всех своих бедах. Эта ругань свидетельствует о нашем единогласном возведении их на трон. Ибо у нас здесь принято интересоваться политикой не как чуждой реальностью, а как частью самих себя. Жизнь, которой мы наделяем эти фигуры, – это жизнь, которая была отнята у нас.

Если и есть какая-либо французская исключительность, то она происходит отсюда. Все, вплоть до международного престижа французской литературы, является последствием этой ампутации. Литература стала во Франции тем пространством, которое всецело отвели под развлечения кастрированных. Это та формальная свобода, которую милостиво пожаловали тем, кто не может свыкнуться с отсутствием настоящей свободы. Отсюда все эти взаимные подмигивания, которыми вот уже которое столетие обмениваются государственные мужи и литераторы, то и дело норовящие устроить переодевания в костюмы друг друга. Отсюда и эта присущая интеллектуалам привычка громко говорить со своих низких позиций и неизменно отступать в решающий момент, единственный, который мог бы придать смысл их существованию, но который исключил бы их из

⁴¹ Видимо, имеется в виду, проводимая с 2006 года мэрией Парижа трансформация городского пространства в мультиэтнических кварталах севера Парижа, затронувшая бульвары Барбес, Рошешуар, Мажанта и Клиши.

профессионального цеха. Нам представляется вполне правдоподобным известный тезис о том, что современная литература появилась на свет с Бодлером, Гейне и Флобером как реакция на бойню, устроенную государством в июне 1948 года. Именно в крови парижских повстанцев и в невыносимой атмосфере замалчивания резни рождаются современные литературные формы – сплин, амбивалентность, фетишизм формы и болезненная отстраненность. Невротическая привязанность французов к своей Республике – той, во имя которой любой беспредел и любая мерзость приобретают налет благородства – приводит к постоянному вытеснению этих первоначальных жертв. В эти июньские дни 1848 года – когда 1500 человек пало в боях, а несколько тысяч заключенных были поспешно расстреляны – Ассамблея, встречающая падение последней баррикады криком «Да здравствует Республика!», и Кровавая неделя оставили на нашей истории родимые пятна, которые не способна устранить никакая пластическая хирургия.

Кожев написал в 1945 году: «Сегодня «официальным» политическим идеалом Франции и французов по-прежнему остается Государство-нация, «единая и неделимая Республика». С другой стороны, в глубине души, страна догадывается о несостоятельности этого идеала, о политическом анахронизме сугубо «национальной» идеи. Это ощущение, безусловно, еще не достигло уровня отчетливой и ясной идеи: страна пока не может и не хочет сформулировать ее открыто. Впрочем, в силу самого несравнимого блеска ее *национального* прошлого, Франции особенно сложно открыто признать и честно принять факт завершения «национального» периода Истории и сделать из этого соответствующие выводы. Стране, которая так долго выстраивала идеологическую арматуру национализма и экспортировала ее по всему свету, сложно признать, что отныне единственное, что остается – подшить в архив эту страницу своей истории».

Вопрос государства-нации и необходимости его похоронить – вот в чем состоит *французское недомогание* последней половины столетия. Чередование» (alternance) – так вежливо окрестили эту паралистическую проволочку, это раскачивание слева направо⁴². Оно напоминает то, как маниакальная фаза сменяет депрессивную, то, как во Франции уживаются самая красноречивая критика индивидуализма с самым бесстыдным цинизмом, а наивысшая щедрость – со страхом толпы. С 1945 года это недомогание только усугублялось, если не считать короткой ремиссии мая 68 года с его повстанческим кипением. Эра

⁴² Имеется в виду смена у власти правого и левого правительств.

государств, наций и республики подошла к концу. Страна, которая отдала им весь свой жар, все самое живое, что у нее было, повергнута в шок. По возмущению, вызванному простой фразой Жоспена⁴³, «государство не всемогуще», можно догадываться о том, какую реакцию рано или поздно вызовет откровение о том, что оно уже ни на что не способно. Ощущение того, что «нас всех надули» непрерывно растет и вызывает гнойный нарыв. Он подпитывает эту скрытую ярость, вскипающую по любому поводу. Неспособность расстаться с эпохой наций – вот причина французского анахронизма, вот ключ к революционным возможностям, которыми он чреват.

Роль будущих президентских выборов, каким бы ни был их результат, состоит в том, чтобы ознаменовать конец французских иллюзий. В том, чтобы проткнуть этот исторический мыльный пузырь, в котором мы еще живем и который делает возможным такие *события*, как это движение против Контракта первого найма, на которое из-за границы смотрят как на бредовый сон, сбежавший из 1970-х годов. Вот почему, по сути, никто не хочет этих выборов. Франция – красный фонарь западной зоны.

Сегодня олицетворение Запада – это американский солдат, несущийся в танке «Абрамс М1» по иракскому городу Фаллуджа, слушая хардрок на полную катушку. Это турист, затерявшийся в степях Монголии и сжимающий свою банковскую карту подобно палочке-выручалочке. Это менеджер, единственным предметом восхищения которого является китайская игра Го. Это юная девушка, ищущая свое счастье исключительно в шмотках, парнях и увлажняющих кремах. Это швейцарский правозащитник, едущий на все четыре стороны большой планеты, чтобы поддержать повстанцев – при условии, что их восстание проиграно. Это испанец, которому, по большому счету, наплевать на политическую свободу с тех пор, как ему гарантирована свобода сексуальная. Это любитель искусства, до оцепенения восторгающийся этим последним криком современного гения, этим веком художников, которые, от сюрреалистов до венских акционистов, соревнуются в меткости плевков на фасад цивилизации. Это кибернетик, нашедший в буддизме реалистическую теорию сознания, и физик элементарных частиц, ищущий вдохновения для своих последних открытий в индуистской метафизике.

Запад – это цивилизация, пережившая все пророчества о своем закате благодаря уникальной уловке. Подобно тому, как буржуазии пришлось

⁴³ Лионель Жоспен (1937-) – французский политический деятель, социалист. С 1997 по 2002 год занимал должность премьер-министра.

отрицать себя *как класс* во имя обуржуазивания всего общества, от рабочего до барона. Как капитал пожертвовал себя в качестве трудовых отношений, чтобы восторжествовать как отношение социальное – превратившись, таким образом, в культурный, финансовый капиталы, капитал здоровья и пр. Как христианство пожертвовало собой как религией, чтобы выжить в виде аффективной структуры, смутного предписания к смирению, состраданию и бессилию – так *Запад пожертвовал собою как особой цивилизацией, чтобы восторжествовать в качестве универсальной культуры*. Операция проста: агонизирующая сущность жертвует своим содержанием для того, чтобы выжить как форма.

Раздробленный индивид спасается как форма, благодаря «духовным» технологиям коучинга. Патриархат выживает, отягощая женщин всеми мучительными атрибутами самца: волей, самоконтролем и бесчувственностью. Разваливающееся общество распространяет вокруг эпидемию общительности и развлечений. Все застарелые великие иллюзии Запада поддерживаются с помощью ухищрений и приемов, которые последовательно, одну за другой, опровергают их.

Здесь не «столкновение цивилизаций». Здесь – цивилизация в состоянии клинической смерти, на которую водрузили целый аппарат искусственного поддержания жизни и которая распространяет в атмосфере планеты характерный запах гниения. На сегодня не осталось ни одной из ее «ценностей», в которые она сама бы еще хоть как-то верила, и любое утверждение воспринимается ею как постыдный акт, как провокация, которую следует разобрать по косточкам, *деконструировать*, подвергнуть сомнению. Западный империализм сегодня – это господство релятивизма, сводимого к фразе «это твоя личная точка зрения». Это взгляд исподлобья или обиженный протест против всего, что пока достаточно глупо, примитивно или самонадеянно для того, чтобы еще во что-то верить, чтобы что-то утверждать. Вот этот догматизм вечного сомнения и подмигивает нам заговорщицким глазом в средах университетской и литературной интеллигенции. Для постмодернистских умов никакая критика не является достаточно радикальной до тех пор, пока в ней содержится ничтожество уверенности. Сто лет назад скандалом было чревато любое слишком буйное отрицание, сегодня же таковым грозит любое бестрепетное утверждение.

Ни один общественный порядок не может долго продержаться на принципе «ничто не истинно». Поэтому приходится усиленно *поддерживать его жизнь*. Сегодняшнее применение ко всему и вся

понятия «безопасность» воплощает этот проект введения в сами существа, в их поведение и населенные ими места того идеального порядка, которому они уже не готовы подчиняться. «Ничто не истинно» не говорит нам ничего о мире, но говорит все о западном понимании истины. Истина здесь понимается не как атрибут существ и вещей, а как характеристика их репрезентации. Истинной считается репрезентация, соответствующая опыту. По большому счету, наука является империей всеобщей верификации. Но ведь всякое человеческое поведение, от самого ординарного до самого изощренного, опирается на фундамент более или менее имплицитных очевидностей. А все практики начинаются с точки, в которой вещи и представления неразрывно связаны, и где в каждую жизнь входит толика истины, игнорируемая западным понятием. У нас здесь, конечно, могут говорить о «настоящих людях», но лишь с тем, чтобы неизменно посмеяться над этими нищими духом. Вот почему те, кого западные люди колонизировали, считают их лгунами и лицемерами. Вот почему завидуют лишь тому, что они *имеют*, их технологической развитости, но никогда – тому, что они *есть* и что вызывает обоснованное презрение. И невозможно было бы в старших классах школы преподавать Сада, Ницше и Арто без предварительной дисквалификации этого понятия истины. Бесконечно сдерживать все утверждения, умерщвлять шаг за шагом всякого рода уверенность, которая неизбежно появляется на свет – таково долгосрочное действие западного рассудка. И двумя средствами к этому, сходящимися, хотя и формально различными, являются полиция и философия.

Разумеется, империализм всеобщей относительности находит себе в любом пустом догматизме, в любом марксизме-ленинизме, в любом салафизме или неонацизме соперника по плечу: который, подобно ему самому, путает утверждение с провокацией. На этой стадии сугубо социальный протест, который отказывается признать, что проблема, стоящая перед нами - не в кризисе общества, а в угасании цивилизации, тем самым делается сообщником ее сохранения. В том, кстати, и состоит отныне привычная стратегия: критиковать это общество в тщетной надежде спасти эту цивилизацию.

Итак. У нас на руках труп, но от него так просто не избавиться. От конца цивилизации, от ее клинической смерти не стоит ожидать ничего хорошего. Как таковая она может интересовать только историков. Это *факт*, а нужно сделать из нее *решение*. Факты – вещь преходящая, а решение – вещь политическая. Решить, что цивилизация умерла, взять в руки *процесс* ее смерти: только это решение избавит нас от трупа.

В ПУТЬ!

Восстание... мы уже и не знаем, где оно может начаться. Шестьдесят лет замирения, передышки в исторических передрыгах, шестьдесят лет демократической анестезии и управления событиями⁴⁴ – все это притупило нашу способность резкого ощущения реальности, того, на чьей стороне мы в этой войне... И для начала нам следует восстановить в себе это ощущение.

Не стоит *возмущаться* тем, что последние пять лет действует такой явно антиконституционный закон, как «Закон о повседневной безопасности»⁴⁵. Нет смысла в легальном протесте против развала правовой системы. Вместо этого надо соответствующим образом организовываться.

Не стоит *входить* в очередной гражданский коллектив, в тот или иной ультралевый тупик, в еще одно ассоциативное надувательство. Все организации, которые якобы критикуют существующий порядок, сами обретают формы, мораль и язык причудливых миниатюрных государств. До сих пор робкие потуги «делать политику иначе» лишь бесконечно плодили государственных клонов.

Не стоит *реагировать* на последние новости. Любую информацию следует воспринимать как еще одну стратегическую операцию в лагере противника, значение которой надо расшифровать; как операцию, которая должна вызвать ту или иную реакцию у того или иного индивида. И за мнимой информацией прочитывать реальное сообщение.

Не стоит больше *ждать* – вспышки, революции, ядерной катастрофы или социального движения. Промедление смерти подобно. Катастрофа не надвигается, она уже здесь. Мы все отныне находимся *посреди* процесса развала цивилизации. Вот тут-то и надо понять, на чьей мы стороне.

Перестать ждать – это значит, так или иначе, войти в повстанческую логику. Это значит, снова услышать в голосах наших правителей

⁴⁴ «События» (événements) – французский официальный эвфемизм, нередко используемый для обозначения вооруженных конфликтов и войн, например, войны в Алжире.

⁴⁵ Фр. Loi sur la Sécurité quotidienne – секуритарный французский закон, принятый спустя два месяца после терактов 11 сентября 2001 года. Объединяет различные чрезвычайные меры по борьбе с терроризмом, незаконными оборотами, но затрагивает также и устроителей техно-вечеринок (free party). В соответствии с законом, создан Национальный институт научной полиции, отказ от взятия пробы ДНК может быть наказан тюрьмой, интернет-провайдеры обязаны хранить в течение года личные данные о своих клиентах (в частности, их электронную переписку) и предоставлять их по требованию полиции.

легкую дрожь страха, который никогда их не покидает. Потому что «управлять» всегда означало лишь отодвигать, с помощью тысячи уловок, тот момент, когда толпа предаст тебя казни. И любое действие правительства – ни что иное, как попытка удержать контроль над населением.

Мы стартуем сегодня с позиции крайней изолированности и беспомощности. Нам предстоит выстроить повстанческий процесс от «А» до «Я». Ничто не кажется более невероятным, чем восстание... Но и более необходимым.

НАХОДИТЕ ДРУГ ДРУГА

Привяжитесь к тому, что считаете настоящим – и в путь!

Случайная встреча, открытие, массовая забастовка, землетрясение... – любое событие производит истину, воздействуя на наше бытие в мире. И напротив, утверждение, оставляющее нас равнодушными, незатронутыми, невовлеченными, недостойно называться истиной. В каждом жесте, в каждой практике, в каждом отношении и ситуации, которыми мы обычно стремимся *управлять*, есть своя подспудная истина. Но у нас вошло в привычку от нее увиливать. Отсюда и берется растерянность, характерная для большинства современных людей. На самом деле, все, что происходит, происходит с нами неспроста. И ощущение жизни во лжи – это тоже истина. Не надо его гнать от себя, наоборот, оно станет точкой отсчета. Истина – это не взгляд на мир, а то, что привязывает нас к нему неистребимым образом. Истина – это не то, чем мы обладаем, а то, что движет нами. Она нас создает и уничтожает, организует и дезорганизует, она отдаляет нас от многих, но сближает с теми, кто ее разделяет. Изолированный индивид, привязавшийся к истине, неизбежно встретит себе подобных. На самом деле, любой повстанческий процесс начинается с истины, которой не готовы пожертвовать. Вспоминается Гамбург 1980-х, где горстка жителей оккупированного дома решила, что отныне их могут выдворить оттуда только переступив через их труп. За этим последовала осада квартала танками и вертолетами, дни уличных боев и массовых демонстраций, и в результате, мэрия капитулировала. У Жоржа Гэнгуана, первого «партизана Франции», в 1940 году была единственная точка отсчета – абсолютное неприятие оккупации. Тогда

для Компартии он был лишь «безумцем, живущим в лесах»; до тех пор, пока этих лесных безумцев не стало 20 000 и они не освободили Лимож.

Не отступайте перед элементом политического, содержащимся в каждой дружбе

Нас приучили воспринимать дружбу нейтрально, как чистую, ни к чему не обязывающую привязанность. Но всякая близость есть близость *внутри* общей истины. Любая знаменательная встреча есть встреча *внутри* общего утверждения, пусть даже это и утверждение разрушения. В эпоху, когда неотступно дорожить чем-либо чревато серьезным риском безработицы, когда, чтобы работать, нужно лгать, а затем работать, чтобы сохранить средства для лжи, любая связь между людьми отнюдь не случайна. Существа, сошедшиеся на почве квантовой физики и поклявшиеся друг другу извлечь из этого все возможные следствия во всех сферах, связаны друг с другом ничуть не менее политическим образом, чем товарищи, ведущие совместную борьбу против какой-нибудь агропромышленной транснациональной корпорации. Рано или поздно они либо предадут друг друга, либо вместе ринутся в бой.

У инициаторов рабочего движения были мастерские, а затем и целые заводы, чтобы найти друг друга. У них была забастовка, чтобы посчитать свои силы и обнаружить предателей. У них были отношения наемного труда, сводящие друг с другом партию Капитала и партию Труда, чтобы сформировать солидарности и фронты борьбы в мировом масштабе. У нас же, чтобы встретиться, в распоряжении все социальное пространство. У нас есть повседневное непослушание, чтобы провести перекличку и выявить отступников. У нас есть ненависть к этой цивилизации, чтобы сформировать солидарности и фронты борьбы в мировом масштабе.

Не ждите ничего от организаций. Остерегайтесь существующих тусовок, и прежде всего – сами не становитесь таковой

Нередко случается, что в процессе постепенного отчуждения мы набредаем на всякие организации – политические, профсоюзные, гуманитарные, ассоциативные и т.п. Иногда там даже попадают люди вполне искренние, но отчаявшиеся, или же энтузиасты, но себе на уме. Привлекательность организаций объясняется их осязаемой устойчивостью: у них есть своя история, штаб-квартира, название,

средства, руководитель, стратегия и дискурс. Но все равно они – лишь пустой каркас, который едва ли способна заполнить респектабельность их героического прошлого. Во всех делах и на всех своих уровнях организации заняты прежде всего собственным выживанием и ничем более. Своими многократными предательствами они, как правило, отчуждают от себя собственный рядовой состав. Вот почему иногда там можно встретить вполне достойных существ. Но обещание, содержащееся в знаменательной встрече, сможет реализоваться лишь вне организации и, с неизбежностью, вопреки ей.

Гораздо более опасными оказываются *тусовки*, с их подвижной структурой, сплетнями и неформальными иерархиями. Бегите из всех тусовок! Все они словно для того и созданы, чтобы нейтрализовать истину. Литературные тусовки существуют, чтобы душировать самоочевидность написанного. Либертарные тусовки – чтобы душировать самоочевидность прямого действия. Научные тусовки – чтобы утаивать последствия, каковыми уже сегодня чреватые их исследования для людей. Спортивные тусовки – чтобы загнать и удержать в спортивных залах разные формы жизни, порождаемые разными видами спорта. Но больше всего следует избегать культурных и активистских тусовок. В этих двух кривых зеркалах издавна разбивается всякое желание революции. Задача культурных тусовок – в том, чтобы выявить нарождающиеся сгустки творчества и изъять у вас смысл того, что вы делаете, через его экспозицию; задача активистских тусовок – в том, чтобы оттянуть у вас энергию, необходимую для этого действия. Активистские тусовки растянули свои рассеянные сети по всей территории Франции и встречаются на любом пути революционного становления. Все, чем они богаты, так это своими бесчисленными поражениями и горечью, оставшейся от них. Истощенные, до крайности бессильные, они потеряли всякую способность использовать возможности текущего момента. Кстати, там принято много говорить, чтобы как-то скрасить прискорбную пассивность. Это делает их уязвимыми для полицейского контроля. Поскольку ожидать от них чего-либо тщетно, то и сокрушаться по поводу их маразматического окостенения было бы глупо. Просто оставьте их околевать.

Все тусовки – контрреволюционны, поскольку единственная их забота – сохранение собственного порочного комфорта.

Создавайте коммуны

Коммуна – это то, что происходит, когда существа находят друг друга, обретают взаимопонимание и решают идти вместе. Возможно, коммуна – это решение, возникающее тогда, когда обычно принято расставаться. Это радость знаменательной встречи, спасенная от своего неизбежного угасания. Вот почему тогда говорят «мы», и вот почему это настоящее событие. Странно не то, что существа, обретшие единодушие, основывают коммуны, а то, что они остаются разъединенными. Почему бы коммунам не множиться до бесконечности? На каждом заводе, улице, в каждой деревне, школе. Наконец, наступило бы царство низовых комитетов! Но это были бы коммуны, согласные быть тем, что они есть, и там, где они есть. И по возможности, все эти коммуны заменили бы собой общественные институты: семью, школу, профсоюз, спортивный клуб и пр. Эти коммуны занимались бы не только политической деятельностью как таковой, они не чурались бы организовываться и вокруг решения вопросов материального и морального выживания каждого из своих участников и всех бедолаг вокруг них. В отличие от того, как обычно поступают коллективы, эти коммуны определяли бы себя не через противопоставление между «инсайдерами» и «аутсайдерами», а через плотность связей, их пронизывающих. Не через персоны, их составляющие, а через дух, который ими движет.

Коммуна образуется всякий раз, когда несколько людей, выйдя из своего индивидуалистического панциря, решают рассчитывать только друг на друга и соизмерять свои силы с реальностью. Любая спонтанная забастовка – коммуна, любой дом, коллективно оккупированный на ясных основаниях, – коммуна, активистские комитеты в мае 1968-го были коммунами, точно так же, как поселения беглых рабов в США или радио «Alice» в Болонье в 1977 году. Любая коммуна желает быть себе самой единственным основанием. Она стремится раз и навсегда разрешить проблему нужд. Она хочет избавиться разом от экономической зависимости и от политического подчинения. Но она скатывается к тусовке, как только теряет контакт с истинами, ее основавшими. Существует множество разных коммун, которые организуются, не дожидаясь ни увеличения числа участников, ни появления средств, ни, тем более, «подходящего момента», который никогда не наступит.

ОРГАНИЗУЙТЕСЬ

Организуйтесь, чтобы не нужно было зарабатывать

Остается все меньше рабочих мест, где можно сносно зарабатывать и не напрягаться, да и, честно говоря, хватит уже тратить время на скучное просиживание штанов. К тому же, на этих местах все равно нормально не отдохнешь и не считаешь. Как известно, существование индивида настолько хрупко и эфемерно, что он вынужден зарабатывать на жизнь, продавая свое время в обмен на толику социального бытия. Личное время за социальное бытие: такова работа, такова сделка. В коммуне ход времени изначально избавлен от работы, он не подчиняется этому принципу, не идет на компромисс. Группы аргентинских *piqueteros* сообща выбивают себе что-то вроде социального пособия в обмен на несколько часов работы. Они не отработывают человекочасы, а отдают выручку в общий котел и вскладчину приобретают швейные мастерские, пекарни, сажают полезные им сады.

Нужно искать деньги для коммуны, а это не то же самое, что зарабатывать на жизнь. У каждой коммуны есть своя подпольная касса. Существует много всяких способов срубить денег. Кроме пособия по безработице, есть всякого рода социальные выплаты, накопленные на счетах студенческие стипендии, субсидии за рождение несуществующих детей, всякого рода теневая торговля и масса других возможностей, которые появляются с каждым новым витком развития контроля. Мы не станем здесь превозносить прелести всех этих средств и не намерены забиваться в эти временные прибежища на всю жизнь или хвататься за них, как за привилегии посвященных. Главное — культивировать и распространять эту полезную склонность к мошенничеству и делиться её новшествами. Вопрос работы для коммун ставится только в связи с другими уже существующими доходами. И не следует забывать обо всякой полезной информации, доступ к которой дают некоторые профессии, специальности или тепленькие места.

Задача коммуны заключается в том, чтобы высвободить как можно больше времени для максимального числа людей. Эта задача не исчисляется количеством часов, избавленных от отношений эксплуатации, заключенных в наемном труде. Высвобожденное время не означает отдых. Свободное от работы время, время простоя, время пустоты или страха пустоты — все это имеет отношение лишь к миру

работы. Но отныне не будет времени, которое нужно заполнить, а будет высвобождение энергии, не сдерживаемой никаким «временем». Будут линии, которые постепенно обретают направление, усиливают друг друга, которым мы следуем по желанию, до самого конца, пока не увидим, что они пересекаются с другими.

Грабьте, выращивайте, изготавливайте

Некоторые бывшие работники MetalEurop⁴⁶ пошли на ограбление банков, лишь бы не стать охранниками в тюрьмах. Некоторые работники EDF⁴⁷ показывают родным и близким, как повернуть вспять счетчики электричества. Оборудование, «упавшее с возу», продается налево и направо. Миру, который столь открыто провозглашает собственный цинизм, не стоит ожидать лояльности от пролетариата.

С одной стороны, коммуна не может делать ставку на вечное «государство всеобщего благоденствия». С другой стороны, нельзя рассчитывать вечно жить магазинными кражами, утилизацией добра из мусорных баков супермаркетов или складов в промзонах, злоупотребляя государственными субсидиями, мошенничая со страховкой и т.д., другими словами, за счет грабежа. Поэтому, коммуна должна думать о том, как постоянно повышать уровень и размах самоорганизации. Нет ничего более логичного, чем использование токарных и фрезерных станков или копировальных автоматов с распродажи в связи с ликвидацией фабрики для поддержания заговора против рыночного общества.

Повсюду чувство неминуемого апокалипсиса настолько сильно, что текущих экспериментов в области строительства, энергетики, материалов, нелегальности или земледелия уже не счесть. Существует целый ряд навыков и техник, которые давно пора вырвать из пут морализма, экологичности и культуры арабских кварталов. И в тоже время, эти эксперименты – пока только малая толика всех существующих находок, навыков, всей той изобретательности, свойственной жителям трущоб, которые нужно будет применять и

⁴⁶ *MetalEurop* – французская промышленная группа, специализирующаяся в производстве, переработке и обогащении цветных металлов. В результате реструктуризации в 2003 году ее филиал MetalEurop был ликвидирован, что оставило без работы 830 человек. Это дело привело к социальному катаклизму и вызвало множество обсуждений в медиа, послужило сюжетом нескольких документальных фильмов и т.п.

⁴⁷ фр. Electricité de France, основной поставщик электроэнергии во Франции, полугосударственное-получастное предприятие.

наращивать, если мы собираемся заново заселить пустыню метрополии и обеспечить жизнеспособность восстания после его первых шагов.

Как общаться и передвигаться, когда потоки и перемещения полностью прекратятся? Как восстановить продовольственные культуры в сельской местности до уровня, достаточного, чтобы деревни снова могли выдерживать ту плотность населения, которая там была всего шестьдесят лет назад? Как трансформировать бетонные пространства в городские огороды, подобно Кубе, которая выжила таким образом в условиях американского эмбарго и распада СССР?

Обучайте и обучайтесь

С чем мы остались, исчерпав все развлечения, дозволенные рыночной демократией? Что заставило нас выйти на пробежку однажды воскресным утром? Что движет всеми этими фанатиками карате, домашнего рукоделия, рыбалки или сбора грибов? Что, как не мучительное безделье, необходимость возобновить трудовую силу или «капитал здоровья»? Большинство увлечений можно избавить от налета абсурдности и превратить их в нечто большее, чем досуг. Бокс не всегда существовал лишь для зрелищных матчей. В начале XX века, когда Китай был раздираем ордами колонизаторов и голодал из-за долгой засухи, сотни тысяч бедных крестьян организовали бесчисленные клубы бокса на открытом воздухе, чтобы вернуть себе то, что у них похитили колонизаторы и богачи. Это было восстанием боксеров. Никогда не рано начать изучение того, что может потребоваться в менее спокойные, менее предсказуемые времена. Наша зависимость от метрополии — ее медицины, сельского хозяйства, полиции — так велика, что мы не можем атаковать ее, не подвергая опасности себя. Смутное осознание этой уязвимости является причиной инстинктивного самоограничения нынешних социальных движений и объясняет наш страх кризиса и стремление к «безопасности». Вот почему забастовщики, как правило, отказываются от революционной перспективы в пользу возврата к нормальной жизни. Вырваться из этого порочного круга можно только благодаря долгому и постоянному процессу обучения, а также многочисленным, масштабным экспериментам. Нужно уметь драться, отмыкать замки, лечить перелом или ангину, мастерить пиратские радиопередатчики, устраивать полевые кухни, метко стрелять, аккумулировать самые разнообразные навыки и обустраивать землю во время войны, понимать биологию планктона, состав почвы, изучать взаимодействия растений,

восстанавливая утраченное чутье, заново открывая все способы использования нашей непосредственной среды обитания, все возможные связи с ней и пределы, за которыми наступает её истощение. Мы должны начать сегодня, чтобы готовиться ко дню, когда нам потребуется от нее больше, чем символические крохи питания и заботы.

Создавайте территории. Множьте зоны непрозрачности

Все больше реформистов утверждают, что в наши дни, «с приближением пика мировой добычи нефти», чтобы «сократить выброс парниковых газов», нам придется «заново локализовать экономику», развивать региональное снабжение, малые круги сбыта, отказаться от удобств импорта на большие расстояния и т.д. Однако они забывают, что локальной экономике свойственны «черные», неформальные сделки, что этот простой экологический шаг по ре-локализации экономики означает, ни много ни мало, освобождение от государственного контроля, либо же полное ему подчинение.

Нынешняя наша территория – продукт многих столетий полицейских операций. Народ выгоняли из его деревень, потом с его улиц, потом из его кварталов, и, наконец, из подъездов, в остервенелом стремлении удержать жизнь всех и каждого в потной приватности четырех стен. Мы же ставим вопрос территории иначе, чем государство. Для нас речь идет не об *обладании* территорией, а скорее об уплотнении сети коммун, перемещений и солидарных связей между людьми до такого уровня, чтобы территория стала нечитаемой, непрозрачной для любых властей. Мы не хотим оккупировать территорию, мы хотим сами быть территорией.

Каждая деятельность дает территории жизнь — территории сделок или охоты, территории детской игры, территории влюбленных или бунтарей, территории фермеров, орнитологов или фланёров. Правило простое: чем больше территорий накладываются одна на другую в данной зоне, чем больше происходит перемещений между ними, тем труднее властям найти в них зацепку. Бистро, типографии, спортзалы, пустыри, букинистические развалы, крыши домов, импровизированные уличные рынки, шашлычные и гаражи могут быть с легкостью использованы и не по официальному назначению, если там зародится достаточно сильный дух соучастия и заговора. Локальная самоорганизация накладывает собственную географию поверх государственной картографии, путая и размывая ее: она сама приводит себя к отделению, автономизации.

Путешествуйте. Создавайте собственные средства общения

Принцип коммун состоит не в том, чтобы противопоставить мобильности метрополии свою медлительность и укорененность в локальном. Экспансивное движение коммун должно незаметно подменить движение метрополии. Нам не следует отказываться от возможностей путешествовать и общаться, предлагаемых коммерческой инфраструктурой. Надо просто знать их пределы. Мы должны быть осмотрительными, не вызывать подозрений. Приходить друг к другу в гости безопасней, это не оставляет следов и создает гораздо более прочные связи, чем любой список контактов в интернете. Привилегия, предоставленная многим из нас – возможность «свободно перемещаться» по всему континенту и даже на другой конец света без особых проблем – это весомое преимущество в деле коммуникации между очагами заговора. Одна из прелестей метрополии состоит в том, что американцы, греки, мексиканцы и немцы могут незаметно встретиться в Париже на время, необходимое для обсуждения стратегии.

Постоянное движение людей между дружественными коммунами – это один из факторов, которые спасают их от иссыхания и неотвратимости упадка. Приглашая товарищей, держа себя в курсе их инициатив, осмысляя их опыт и осваивая их технологии, вы сделаете гораздо больше на благо коммуны, чем упражняясь в бесплодном самоанализе за закрытыми дверями. Нельзя недооценивать, как много важного и решающего происходит в эти вечера, проведенные в спорах о текущей войне.

Разрушайте, одну за другой, все преграды

Как известно, на улицах полно всяких проявлений грубости. Нынешние реальные улицы отделяет от тех, какими они должны быть, центростремительная сила полиции, усердствующая в насаждении порядка. А на другой стороне мы, противодействующее центробежное движение. Мы не можем не наслаждаться происходящими повсюду всплесками ярости и беспорядка. Неудивительно, что отныне все эти официальные народные празднества, которые давно утратили смысл праздника, так часто плохо заканчиваются. Городское имущество, шикарное или приходящее в упадок – вот только где его начало и где конец? – воплощает собой нашу общую лишенность. Упорствуя в своем небытии, оно только и требует, чтобы мы вернулись в него. Посмотрите

на то, что нас окружает: все это ждет своего часа. И вот метрополия подергивается ностальгическим флёротом, словно россыпь руин.

Все эти уличные вспышки непослушания должны стать методичными и систематическими, слиться в рассеянную, эффективную партизанскую войну, которая вернет нам нашу неуправляемость, нашу первобытную неспособность подчиняться. От осознания того, что этот вот недостаток дисциплины фигурирует в списке воинских доблестей партизан, захватывает дух. На самом деле, никогда не надо было отделять ярость от политики. Без первой последняя теряется в бесконечных речах; без последней первая исходит в рычаниях. Появление в сфере политики таких слов, как “бешеные” или “фанатики” неизменно сопровождается строгими окриками.

Что касается метода, то возьмем на вооружение следующий принцип саботажа: минимум риска во время акции, минимум времени и максимальный урон. А что касается стратегии, то нам следует помнить, что убранный преграду, на месте которой остается освобожденное, но не заселенное пространство, легко заменить другой, более твердой и неприступной.

Не следует слишком долго задерживаться на трех типах рабочего саботажа: замедлении темпа работы (от работы «спустя рукава» до «забастовки чрезмерного усердия»), поломке машин или помехах их работе и раскрытии корпоративных тайн. Если распространить принципы саботажа на всю социальную машинерию, то их можно приложить не только к производству, но и к перемещению. Техническая инфраструктура метрополии уязвима. Ее потоки — это не просто пассажирский и грузовой транспорт. Информация и энергия циркулируют по кабельным и волоконным каналам, которые можно атаковать. В наши дни, чтобы по-настоящему саботировать социальную машину, нужно вернуть себе и заново изобрести возможности разрыва её сетей. Как вывести из строя скоростные железнодорожные пути или линию электропередач? Как найти слабые точки в компьютерных сетях, заглушить радиоволны или заполнить экраны телевизоров белым шумом?

Что касается серьезных преград, то не надо считать их неуязвимыми. Прометейский элемент тут состоит лишь в определенном способе применения огня, что не означает слепого волюнтаризма. В 356 году до н.э. Герострат сжег храм Артемиды, одно из семи чудес света. В наше время полного разложения единственное, что осталось величественного в храмах, так это жалкая истина об их превращении в руины. Разрушать то, что уже уничтожено — вовсе не нудная, тяжелая работа. В

этом процессе способность действовать обретает второе дыхание. Все неожиданно сгущается и приобретает смысл: пространство, время, дружба. И тогда мы пускаем в ход все доступные нам средства и находим себе применение, сами становясь этими средствами. В ничтожестве нашего времени желание «всё разьебать» может выступить последним коллективным соблазном и, надо признать, не без оснований.

Избегайте заметности. Превращайте анонимность в оружие атаки

Во время демонстрации член профсоюза срывает маску с неизвестного, который только что разбил витрину. «Отвечай за то, что ты делаешь, а не прячься». Быть видимым, значит, не иметь укрытия, значит, прежде всего, быть уязвимым. Когда леваки повсюду постоянно «визуализируют» то, за что они борются – будь то проблемы бездомных, женщин или нелегальных иммигрантов – в надежде, что власти этим займутся, они делают прямо противоположное тому, что требуется на самом деле. Вместо того, чтобы выставить себя на обозрение, нужно нашу вынужденную безвестность обратить себе же на пользу, превратить ее в неуязвимую позицию атаки, благодаря конспирации, ночным акциям или действиям под маской. Пожары ноября 2005-го дают нам хороший пример. Там не было ни лидера, ни требований, ни организации, а только слова, жесты, сговор. Быть социальным «ничто» не унижительно, в этом нет нехватки некоего признания – да и от кого его ждать? Наоборот, это условие максимальной свободы действий. Не брать на себя ответственность за нелегальные действия, оставляя за собой лишь фиктивную аббревиатуру – мы все помним эфемерную Анти-Ментовскую Бригаду Тартерета (BAFT, Brigade Anti-Flic des Tarterêts), — только так можно сохранить свободу. Естественно, первым же защитным маневром режима было создание субъекта «пригород», которому можно стало приписать авторство «ноябрьских бунтов 2005-го». Взгляните на рожи тех, кто является «кем-то» в этом обществе, и вы поймете, почему так радостно быть «ником».

Заметности нужно избегать. Но сила, которая собирается в тени, не может вечно в ней оставаться. Тем не менее, мы не должны выступать в качестве силы, пока не наступит подходящий момент. Чем дольше нам удастся избегать заметности, тем сильнее мы будем, когда она нас настигнет. И как только мы станем заметными, нашей современности

конец. Либо мы сумеем оперативно истереть ее в порошок, либо она сама безжалостно растопчет нас.

Организуйте самооборону

Мы живем в условиях *полицейской* оккупации. Беспаспортных иммигрантов хватают посреди улицы, полицейские машины без знаков отличия патрулируют наши бульвары, кварталы метрополии умиротворяют приемами, отточенными в колониях. Об оккупации нам не дает забыть и Министр внутренних дел, объявляющий войну «бандам» в выражениях, которые напоминают речи времен алжирской войны. Так что нам хватает причин, чтобы не дать раздавить себя, чтобы организовывать самооборону.

Коммуна растет и ширится, и вот уже спецоперации властей целятся в то, что составляет само ее существо. Эти контратаки принимают формы соблазнения, перехвата, а если и это не дало эффекта, то грубой силы. В коммуне необходимость самообороны, как практической, так и теоретической, должна быть очевидна всем и каждому. Уворачиваться от ареста, быстро и массово объединяться против попыток выселения, прятать своих — в ближайшем будущем это будет далеко не лишними рефлексам. Мы не можем бесконечно восстанавливать с нуля наши точки опоры. Чем бесконечно изобличать репрессии, давайте лучше к ним готовиться.

Это непростое дело, поскольку от населения теперь ожидают особого сотрудничества в полицейской работе — начиная с доносов и заканчивая участием в гражданских патрулях. Полицейские силы растворятся в толпе. Сейчас вездесущая форма полицейского вмешательства, даже в ситуациях бунтов — это полицейский в штатском. Высокая эффективность полиции в последних демонстрациях против «Контракта первого найма» обеспечивалась людьми в штатском. Они проникали в толпу и ждали инцидентов, а потом показывали свое истинное лицо: газ, дубинки, шокеры, арест. И все это в четкой координации с организаторами демонстрации, с профсоюзами. Сама возможность их проникновения сеяла подозрения в рядах демонстрантов и парализовала всякое действие. Учитывая, что демонстрация — это все-таки не только способ дать себя сосчитать, но и орудие действия, нам следует найти способы систематически выявлять людей в штатском, прогонять их и, при необходимости, отбивать у них тех, кого они пытаются арестовать.

Не надо думать, будто полиция непобедима на улицах, просто у нее есть возможность организации, тренировок и постоянного усовершенствования оружия. Наше же оружие всегда будет примитивным, мы мастерим его вручную или сооружаем его экспромтом. Оно, разумеется, неспособно противостоять их оружию в огневой мощи, но его хватит, чтобы держать их на дистанции, чтобы отвлечь их внимание, оказать психологическое давление или, напугав их, пробить себе путь к побегу, отвоевать себе пространство. Никаких новаций по ведению городской партизанской войны, которым учат во французской Полицейской академии, никогда не хватит для быстрого реагирования на движущиеся множества, которые способны атаковать в нескольких местах одновременно и всегда стремятся сохранить инициативу.

Конечно, коммуны уязвимы для наблюдения и полицейских расследований, для экспертных служб и сбора разведанных. Целые серии арестов «эко-воинов» в США и анархистов в Италии стали возможны благодаря электронному прослушиванию. У каждого задержанного полицией теперь берут образец ДНК, который будет подшит к его делу, постоянно пополняемому. В Барселоне поймали сквоттера по отпечаткам пальцев, которые он оставил на розданных листовках. Методы слежения становятся все более изощренными, главным образом, благодаря биометрическим технологиям. А если будет установлена выдача электронных удостоверений, наша задача станет еще более трудной. Парижская коммуна нашла частичное решение проблеме картотек — они сожгли мэрию, уничтожив, таким образом, все архивы записи гражданских состояний. Остается только найти средства, чтобы раз и навсегда уничтожить компьютерные базы данных.

ВОССТАНИЕ

Коммуна – элементарная частица партизанской реальности. Подъем восстания - возможно, не что иное, как увеличение числа коммун, их связь и артикуляция. В зависимости от развития событий, коммуны объединяются в более крупные единицы или же, наоборот, распадаются на меньшие части. Между бандой братьев и сестер, связанных «и на жизнь, и на смерть», с одной стороны, и объединением множества групп, комитетов, отрядов в целях организации снабжения и самообороны восставшего квартала или даже региона, с другой стороны, вся разница состоит лишь в масштабе, но все они в равной мере являются коммунами.

Любая коммуна неизбежно стремится к самообеспечению и к тому, чтобы считать использование денег нелепым и даже, по правде говоря, неуместным. Сила денег состоит в создании связей между теми, кто никак не связан, в том, чтобы связывать между собой чужаков *как чужаков* и тем самым, находя каждой вещи эквивалент, все запускать в оборот. Способность денег все связывать дается ценой поверхностного характера этой связи, в которой ложь является правилом. В недоверии состоит суть кредитных отношений. Поэтому господство денег всегда остается господством контроля. Практическое устранение денег можно осуществить только благодаря расширению коммун. Но в каждом случае при расширении коммун не следует превосходить некоторую величину, выше которой у них теряется связь с самими собой, вследствие чего в них неминуемо появляются касты господствующих. В таком случае коммуне лучше расширяться через деление, избежав тем самым печального исхода.

Восстание алжирской молодежи, вспыхнувшее по всей Кабилии весной 2001 года, добилось взятия контроля почти надо всей территорией, нападая на жандармерии, суды и все государственные представительства, распространяя бунт повсюду. Настолько, что силы режима были свернуты в одностороннем порядке, а провести выборы стало физически невозможно. Сила движения состояла в диффузной взаимодополняемости множественных составных частей - которые были лишь частично представлены на бесконечных и сугубо мужских ассамблеях деревенских комитетов и прочих народных коллективов. «Коммуны» алжирского восстания, в любой миг готового вновь разгореться, то принимают лик молодых безумцев в кепках, бросающих бутылки с газом в спецназовцев с крыши здания в городе Тизи Узу, то

насмешливо улыбаются устами престарелого партизана, закутанного в бурнус, то воплощаются в энергию женщин из горной деревушки, поддерживающих вопреки всему традиционные сельскохозяйственные культуры и животноводство, без которых экономическая блокада региона никогда не смогла бы так часто и систематически повторяться.

Каждый кризис – топливо в наш костер

«Стоит, к тому же, добавить, что мы не сможем обеспечить лечение всего населения Франции. Нужно будет выбирать». Именно так эксперт-вирусолог представил для газеты *Le Monde* 7 сентября 2005 года развитие ситуации в случае пандемии птичьего гриппа. «Террористическая угроза», «природные катаклизмы», «предупреждения об эпидемии», «социальные движения» и «городское насилие» - все эти моменты нестабильности позволяют руководителям общества утвердить свою власть, отбирая то, что им угодно, и подавляя то, что их обременяет. Значит, по всей логике, эти моменты могут стать и возможностью для любой другой силы стянуться воедино и нарастить мощь, заняв противоположную позицию. Достаточно вспомнить о том, как возвращается социальная жизнь в многоквартирный дом, внезапно лишенный электричества, чтобы вообразить, чем могла бы стать жизнь в городе, лишенном всего. Прерывание товарных потоков, приостановка нормальности и полицейского контроля высвобождают потенциал для самоорганизации, невообразимый при других обстоятельствах. И это ни для кого не секрет. Революционное рабочее движение прекрасно это понимало и превратило кризисы буржуазной экономики в точки кульминации своего подъема. Нынешние исламистские партии проявили наибольшую силу в моменты, когда они сумели с умом компенсировать слабость государства. Например, когда они организовали помощь населению после землетрясения в алжирском Бумердесе или повседневную поддержку народу Южного Ливана, разгромленного израильской армией.

Как мы уже упоминали ранее, опустошение Нового Орлеана ураганом Катрина дало части североамериканского анархистского движения возможность приобрести невиданную прежде консистентность, объединив всех, кто остался на местах и сопротивлялся насильному переселению. Установка полевых кухонь означала, что снабжение было заранее обдумано. Оказание срочной медицинской помощи, так же, как и запуск свободных радиостанций, потребовали предварительного приобретения нужных знаний и

оборудования. Вся радость, которую несут эти опыты, весь этот выход за рамки индивидуальной изворотливости, вся создаваемая ими осязаемая реальность, не подчиняющаяся повседневному порядку и регламентированному труду, служат гарантией их политической плодотворности.

В такой стране, как Франция, где радиоактивные облака останавливаются четко над государственной границей⁴⁸ и где не стесняются строить Центр лечения рака на месте бывшего завода AZF, получившего классификацию «Севезо»⁴⁹, стоит рассчитывать не столько на «природные» кризисы, сколько на социальные. Именно социальным движениям чаще всего доводится приостанавливать здесь нормальный ход катастрофы. Конечно, в последние годы власти и управление предприятий пользовались различными забастовками, прежде всего, для испытания своих способностей поддержать «минимальное обслуживание»⁵⁰, все более расширяющееся – вплоть до того, что остановка работы сводится к чисто символическому измерению, не многим более вредному, чем снегопад или самоубийство на железнодорожном пути. Тем не менее, решительно переопределяя активистские практики, утвердившиеся через систематическую оккупацию учреждений и длительное блокирование, сопротивление старшеклассников в 2005 году и борьба против «Контракта первого найма» (CPE) напомнили нам о способности больших движений наносить вред и создавать рассеянную угрозу. Вызвав к жизни многочисленные банды и коллективы, они позволили нам почувствовать, при каких условиях движения могут стать местом появления новых коммун.

***Саботируйте все представительские инстанции.
Чешите языками. Отменяйте генеральные ассамблеи***

Первое препятствие, на которое наталкивается любое социальное движение задолго до столкновения с полицией как таковой, - это

⁴⁸ Отсылка к известному заявлению французского правительства после Чернобыльской катастрофы о том, что радиоактивное облако обогнуло контуры Франции. Над ним до сих пор часто потешаются.

⁴⁹ На заводе AZF в Тулузе в 2001 году произошел взрыв нитрата аммония. Классификация «Севезо» была введена в странах Европейского союза с 1982 года и называется так по имени коммуны Севезо в Италии, где в 1976 взорвался реактор на химическом заводе Ismesa, что привело к экологической катастрофе. В классификацию попадают промышленные объекты, представляющие повышенную степень риска. В одной только Франции их больше тысячи.

⁵⁰ Например, во время даже самых крупных забастовок транспортников на многих линиях парижского метро поезда все-таки ходят, но с уменьшенной периодичностью.

профсоюзные инстанции и вся эта микробюрократия, призванная канализировать протесты. Коммуны, базовые ячейки и банды испытывают к ним инстинктивное недоверие. Вот почему в последние двадцать лет парабюрократы изобрели координационные советы, которые, не имея определенной политической принадлежности, кажутся более невинными. Однако все равно они остаются идеальным полем для их игр. Стоит ищущему себя коллективу попытаться обрести автономию, как они принимаются опорожнять его от всякого содержания, решительно отвергая его справедливые вопросы. Они свирепы и горячны, но не из страсти к дебатам, а из стремления их подавить. И когда их яростная защита апатии, наконец, возьмет верх над коллективом, они станут объяснять его неудачу недостатком политической сознательности. Стоит заметить, что во Франции, в частности, благодаря безудержной активности различных троцкистских сект, активистская молодежь весьма преуспела в искусстве политической манипуляции. Но пожар 2005 года так и не научил ее этой простой истине: что всякая координация излишня там, где уже люди координируются, что организации всегда чрезмерны там, где люди уже организуются.

Другой рефлекс любого движения состоит в созыве генеральной ассамблеи и голосовании. Это ошибка. Уже сама по себе ставка на принятие нужного решения, заключенная в процедуре голосования, способна превратить ассамблею в сущий кошмар, в театр столкновения всех претендентов на власть. Здесь мы попали под дурное влияние буржуазных парламентов. На самом деле, ассамблея нужна не для принятия решений, а для толкания речей, для свободных и бесцельных дебатов.

Среди рода человеческого нужда в сборищах настолько же постоянна, насколько редка потребность в принятии решений. Собрание приносит радостное ощущение общего могущества. Решение жизненно необходимо лишь в критических ситуациях, при которых, в любом случае, реализовать демократию крайне затруднительно. В любое другое время только фанатики процедуры замораживаются по поводу «демократического характера принятия решений». Ассамблеи нужно не критиковать или демонстративно покидать, они должны стать местом освобождения слова, жестов и игр между существами. Ведь недаром замечено, что каждый приходит туда не только с точкой зрения или вотумом, но и со своими желаниями, привязанностями, способностями, силами, невзгодами и с некоторой открытостью навстречу другим. И если нам удастся избавиться от фантазма Генеральной Ассамблеи в

пользу такой вот *ассамблеи присутствий*, если мы сможем перехитрить постоянно возобновляющийся соблазн гегемонии, если прекратим ставить целью принятие решения, есть некоторая надежда на то, что произойдет одно из этих *массовых сцеплений*, феномен коллективной кристаллизации, когда решение само овладевает существами в их совокупности или в какой-то части.

То же можно сказать и о принятии решений о действиях. Исходить из принципа, что «действие должно подчинять себе ход ассамблеи», - значит, сделать невозможными ни бурные дебаты, ни эффективное действие. Массовая ассамблея людей, незнакомых друг другу, неизбежно назначает среди себя специалистов по действию, то есть оставляет действие на их усмотрение. С одной стороны, уполномоченные по определению стеснены в своих действиях, с другой, ничто не мешает им дурачить всех остальных.

Нет смысла утверждать единственно верную и идеальную форму действия. Главное – чтобы действие обрело форму в самом процессе, вызывало форму к жизни, а не заранее подстраивалось под нее. Это предполагает некое единство политической и географической позиций – как это было среди секций коммуны Парижа в ходе Французской революции, - а также общность циркулирующих знаний. Что же до принятия решений о действиях, то принцип может быть следующим: пусть каждый отправляется в разведку, затем сверяет с другими собранную информацию, а решение придет само собой, это не мы его примем, а оно само достигнет нас. Циркуляция знаний отменяет иерархию, она выравнивает всех по верхней величине. Горизонтальная, быстро распространяющаяся коммуникация – вот лучшая форма координации между разными коммунами, вот средство покончить с гегемонией.

Блокируйте экономику, но соизмеряйте свои способности к блокированию со своим уровнем самоорганизации

В июне 2006 года по всему мексиканскому штату Оахака происходит оккупация мэрий, повстанцы занимают публичные здания. В некоторых коммунах они выгоняют мэров и экспроприируют служебные машины. Месяц спустя перекрыт доступ к некоторым гостиницам и туристическим комплексам. Министр туризма говорит о катастрофе, «сравнимой с ураганом Вильма». Несколькими годами раньше блокирование стало одной из главных форм действия аргентинского повстанческого движения, разные локальные группы поддерживали

друг друга, блокируя то или иное направление, постоянно угрожая своими слаженными действиями парализовать всю страну, если их требования не будут удовлетворены. Такая угроза долгое время была мощным орудием в руках железнодорожников, электриков-газовиков, дальнобойщиков. Движение против «Контракта первого найма» без колебаний блокировало вокзалы, окружные дороги, заводы, шоссе, супермаркеты и даже аэропорты. В городе Ренн хватило трехсот человек, чтобы на несколько часов парализовать объездную дорогу и вызвать сорок километров пробок.

Блокировать все – таков должен быть отныне первый рефлекс всех, кто восстает против существующего порядка. В децентрализованной экономике, где предприятия функционируют по системе «точно в срок», где создание стоимости зависит от интегрированности в сети, где автомагистрали – звенья дематериализованной производственной цепи, протянутой от одного субподрядчика к другому и далее к монтажному заводу, блокировать производство означает и блокировать циркуляцию.

Но блокировать возможно лишь в той мере, в какой это позволяет способность восставших к снабжению и к коммуникации, к настоящей самоорганизации разных коммун. Как находить пропитание, когда все парализовано? В Аргентине, например, грабили магазины, но так далеко не уйдешь. Сколь бы огромными ни были эти храмы потребления, они – не бездонные кладовые. Поэтому, чтобы надолго обрести способность к элементарному поддержанию жизни, нужно получить в руки орудия производства. И медлить с этим не имеет смысла. Оставлять на откуп двух процентов населения задачу производства продуктов питания для всех остальных, как это делается сегодня, – исторический и стратегический нонсенс.

***Освобождайте территорию от полицейской оккупации.
Старайтесь избегать прямых столкновений***

«Этот случай продемонстрировал, что мы имеем дело не с молодежью, которая требует усиления социальной защиты, а с индивидами, объявившими войну Республике», - заметил один проницательный мент по поводу недавних нападений на полицию. Наступление с целью освободить территорию от полицейской оккупации уже началось, и оно может опереться на неистощимые запасы ненависти, накопленные против этих сил. Да и сами «социальные движения» постепенно охватываются бунтовщицеством,

так же, как и тусовки реннских гуляк, в 2005 году каждый четверг устраивавших столкновения со спецназом, как и барселонские тусовщики, которые недавно в ходе очередного *botellón*⁵¹ разорили целую торговую улицу города. Во время движения против «Контракта первого найма» вновь систематически использовался коктейль Молотова. Но в этом некоторые пригороды остаются на непревзойденной высоте. К примеру, в так называемых *guet-apens*⁵², технологии, утвердившейся уже довольно давно. Вспоминается гет-апенс 13 октября 2006 года в городе Эпинэ: антикриминальные бригады (ВАС) выехали в 23 часа по вызову о машинной краже; по прибытии одна из бригад «оказалась блокирована двумя машинами, перегородившими улицу, и тридцатью человеками, вооруженными арматурой и пистолетами, которые закидали камнями их машину и применили против полицейских слезоточивый газ». На более мелком уровне вспоминаются нападения на комиссариаты полиции в нерабочее время: разбитые стекла, подожженные машины.

Одно из достижений недавних движений состоит в том, что отныне настоящие демонстрации – «дикие», их не согласуют с префектурой. *Выбирая поле* для маневра, следует, по примеру Черного блока в Генуе 2001 года, огибать опасные зоны, избегать прямого столкновения и, прокладывая маршрут, выгуливать ментов, вместо того, чтобы сама полиция, в том числе, профсоюзная, в том числе, и «по поддержанию мира», нас выгуливала. Действуя таким образом, тысяча решительных человек могут развернуть вспять целые автобусы карабинеров, а затем и поджечь их. Главное преимущество – не в лучшем вооружении, а в обладании инициативой. Мужество – ничто, вера в собственное мужество – все. И обладание инициативой ей способствует.

Однако все говорит о том, что надо принимать в расчет и необходимость прямых столкновений, чтобы создавать очаги стягивания сил противника, позволяющие выгадать время и атаковать его в другом месте, даже где-то совсем рядом. То, что конфронтации неизбежны, не означает, что из них нельзя сделать попросту отвлекающие моменты. И к координации действий следует

⁵¹ Botellón – такое название получил обычай современной испанской молодежи собираться на улицах, в парках, на пляжах и в других публичных местах за распитием спиртных напитков, курением и слушанием музыки.

⁵² Статья французского Уголовного кодекса, модифицированного в соответствии с Законом от 5 марта 2007 года «О предотвращении мелкой преступности», определяет «guet-apens» (гет-апенс) как «засаду в течение определенного времени, устроенную на одного или нескольких человек в определенном месте, с целью совершения против них одного или нескольких противоправных действий».

прикладывать еще бóльшие усилия, чем к самим действиям. Неотступно преследуя полицию, мы делаем так, что, несмотря на свою вездесущность, она теряет всякую эффективность.

Каждый акт такого преследования вновь активизирует истину, высказанную в 1842 году: «Тяжела жизнь агента полиции; его позиция в обществе столь же унижительна и презренна, как и место преступности (...) Стыд и позор всюду обступают его, общество исторгает его из себя, изолирует его подобно парии, с презрением швыряет ему получку, без угрызений, без раскаяния и без жалости (...) Удостоверение сотрудника полиции, которое он носит в кармане – настоящий аттестат подлости».

21 ноября 2006 года манифестирующие в Париже пожарники атаковали с дубинками спецназовцев и поранили пятнадцать из них. Это к тому, что «призвание помогать людям» никогда не сможет стать оправданием работы в полиции.

Будьте при оружии. Но сделайте все, чтобы его использование было излишним. Над армией возможна политическая победа

Не бывает мирных восстаний. Оружие необходимо, но нужно сделать все, чтобы его использование стало излишним. Восстание – это скорее взятие в руки оружия, «вооруженное дежурство», чем переход к вооруженной борьбе. Стоит подчеркнуть разницу между вооружением и использованием оружия. Вооружение в революции присутствует всегда, однако его использование эпизодично и не имеет решающего значения в моменты великих потрясений: 10 августа 1792 года, 18 марта 1871-го, в октябре 1917-го. Когда власть валяется в сточной канаве, достаточно дать ей пинка.

Из-за дистанции, отделяющей нас от оружия, оно вызывает в нас смешанное чувство зачарованности и отвращения, которое можно преодолеть только через реальное обращение с ним. Истинный пацифизм состоит в отказе не от оружия, а только от его использования. Быть пацифистом и не иметь возможности выстрелить – лишь теоретизация бессилия. Такой *априорный* пацифизм – это своего рода превентивное разоружение, то есть полицейская операция в чистом виде. По-настоящему вопрос пацифизма всерьез встает лишь перед теми, у кого есть способность выстрелить. В таком случае, пацифизм, напротив, будет признаком мощи, ибо только находясь в очень сильной позиции, мы избавлены от необходимости стрелять.

Со стратегической точки зрения, не прямое, асимметричное действие кажется самым результативным, наиболее подходящим для нашей

эпохи, поскольку оккупационные войска невозможно атаковать напрямую. Тем не менее, варианта городской герильи по-иракски, эскалация которой не дает возможности к нападению, следует скорее избегать, а не ратовать за него. *Милитаризация* гражданской войны – это провал восстания. И хотя в 1921 году Красные восторжествовали, Русская Революция была уже проиграна.

Следует предусмотреть два типа реакции государства. Одна – чисто враждебная, другая – более хитрая, демократическая. Первая подразумевает бессловесное подавление, вторая – тонкую, но беспощадную враждебность: она только и ждет, чтобы нас завербовать. Можно потерпеть поражение как перед лицом диктатуры, так и вследствие того, что вашу борьбу *сведут* всего лишь к противостоянию диктатуре. Поражение состоит как в проигранной войне, так и в потере *выбора* того, какую войну мы ведем. Может случиться одновременно и то, и другое, как это показывает пример Испании в 1936 году: революционеры понесли там двойное поражение от фашистов и от республиканцев.

Как только дело принимает серьезный оборот, местность занимает армия. Однако это не значит, что она обязательно будет пущена в ход. Для этого нужна решимость государства развязать бойню, а это для него актуально только в качестве угрозы и несет примерно тот же смысл, с каким в последние полвека используется ядерное оружие. Тем не менее, давно и всерьез раненный зверь-государство остается опасным. И армии должна противостоять многолюдная, смыкающая ряды и братающаяся толпа. Так было 18 марта 1871 года. Армия на улицах – признак повстанческой ситуации. Армия, пущенная в ход – это близкий исход. От каждого требуется занять чью-то сторону, выбрать между анархией и страхом анархии. Восстание выигрывает как политическая сила. Над армией возможна политическая победа.

Свергайте власти на местах

Для восстания проблема состоит в том, чтобы стать необратимым. Необратимость наступает тогда, когда одновременно с властями побеждена и необходимость власти, вместе с собственностью – вкус к приобретению, вместе с гегемонией – жажда гегемонии. Вот почему повстанческий процесс содержит в самом себе форму своей победы или поражения. Для необратимости одного разрушения никогда не достаточно. Все дело в способе. Есть такие способы разрушения, которые неизбежно приводят к восстановлению разрушенного. Тот, кто

остервенело топчет труп режима, неизменно создает потенцию для отмщения за него. Поэтому везде, где блокирована экономика и нейтрализована полиция, важно придавать как можно меньше пафоса свержению властей. Их следует опрокидывать с тщательно выверенной непринужденностью и насмешливостью.

Децентрализации власти в нашу эпоху соответствует устаревание центральности революций. Конечно, остались еще Зимние Дворцы, но они обречены скорее на штурм туристами, чем на повстанческий штурм. В наше время, даже если Париж, Рим или Буэнос-Айрес будут взяты, это не будет решающим. Взять Рунжис⁵³, безусловно, дало бы больший эффект, чем занять Елисейский дворец. Власть уже не концентрируется в определенных точках мира, она и есть сам этот мир, его потоки, его улицы, его люди с их нормами, кодами и технологиями. Власть – это сама организация метрополии. Она – безупречная тотальность потребительского мира во всех его точках. Так что всякий, кто разрушает его локально, вызывает через сети волну шока по всей планете. Бойцы Клиши-су-Буа⁵⁴ подали радостный пример многим американским общагам, а повстанцы в штате Оахака нашли сочувствующих в самом сердце Парижа. Для Франции потеря центральности власти означает и конец парижской революционной центральности. И каждое новое движение со времен забастовок 1995 года это подтверждает. Самые смелые и последовательные замыслы вынашиваются уже не в Париже. Он сохранил свою уникальность только как идеальная мишень для набегов, только как поле для разграблений и разгромов. Это brutальные и молниеносные вылазки извне, направленные в точку максимальной концентрации столичных потоков. Это вспышки ярости, пронзающие пустыню искусственного изобилия и угасающие. Придет день, когда столицу, этот отвратительный сгусток власти, сравняют с землей, но произойдет это в финале процесса, который во всех других местах пойдет уже гораздо дальше.

⁵³ Рунжис (Rungis) – французская коммуна в департаменте Иль-де-Франс, где находится оптовый продуктовый рынок общенационального масштаба, самый большой в мире.

⁵⁴ Клиши-су-Буа (Clichy-sous-Bois) – французская коммуна на севере Иль-де-Франс, откуда в ноябре 2005 года начались пригородные бунты молодежи, сопровождавшиеся поджогом многочисленных машин.

Вся власть коммунам!

В метро уже не ощущается этот барьер стеснения, обычно сдерживающий жесты пассажиров. Незнакомцы разговаривают друг с другом и перестали толкаться. Шайка людей оживленно совещается на углу улицы. Сборища размером побольше что-то бурно обсуждают на бульварах. Штурмы прокатываются из города в город, возобновляются изо дня в день. Сожжена и разграблена новая казарма. Жители выселенного общежития перестали забрасывать мэрию листовками и просто в ней поселились. В приступе прозрения менеджер привел в страх горстку своих коллег на заседании. Только что пошел по рукам файл с домашними адресами всех полицейских, жандармов и работников тюремной администрации, и прокатилась небывалая волна поспешных переселений. В бывший деревенский бар-магазин мы приносим излишки своего производства и раздобываем то, чего нам не хватает. Там же проходят обсуждения общей ситуации и того, какое оборудование еще нужно для механической мастерской. Радио информирует повстанцев об отступлении правительственных сил. Только что снаряд разворотил территорию тюрьмы Клэрво. Трудно сказать, сколько времени прошло с начала «событий», месяцы или годы. Премьер-министр кажется бесконечно одиноким в своих призывах к спокойствию.

Перевод и примечания А.Зайцевой

Электронная версия книги доступна на сайте A-est.info

Небольшая просьба. Не позволяй книгам гнить на полках. Помни, что для их производства нужно срубить деревья, изготовить бумагу, и приложить немалый труд, чтобы превратить её в книгу. Поэтому здорово, если после прочтения книги, ты подарить её, или дашь почитать, или оставишь её в каком-нибудь людном месте...

